

АНТОН
ПЕРВУШИН
**ПИРАТЫ
XXI ВЕКА**

ОПЕРАЦИЯ «КОПЬЕ»

Пираты XXI века

Антон Первушин

**Удар небесного копья
(Операция «Копьё»)**

«Автор»

2001

Первушин А. И.

Удар небесного копья (Операция «Копьё») / А. И. Первушин — «Автор», 2001 — (Пираты XXI века)

За реликтовым Копьем Судьбы, по легенде приносящим воинскую удачу его обладателю, к ледяным берегам Антарктиды отправляется авианосная ударная группировка ВМС США. Однако обретение Соединенными Штатами этой реликвии может спровоцировать новую мировую войну – поэтому наперерез американским кораблям устремляется авианесущий крейсер «Варяг». Один против целой армады...

© Первушин А. И., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Антон Первушин

Удар небесного копья (Операция «Копьё»)

Пролог

Удар копья

(Иерусалим, II non. Aprilis, DCCLXXXVII год от основания Рима)

Было жарко, как в термах. Но если в термах жар благодатный и целебный, то здесь он иссушал и тело, и душу.

Центурион Гай Кассий по прозвищу Лонгин всё чаще задавался вопросом, на кой ларв сдалась Империи эта земля – почти совсем бесплодная, выжженная солнцем; земля варваров и фанатиков, умеющих только поклоняться своему варварскому богу да совать ножи в бок зазевавшемуся на посту легионеру. Хорошенький подарочек преподнёс в своё время Риму знаменитый проконсул и последний солдат республики Помпей – хорошенький, нечего сказать.

В то же время Гай Кассий понимал, что всё его раздражение и эти мысли вызваны только проклятой жарой и тем окружением, в котором он согласно приказу прокуратора оказался – будь всё иначе, сиди он сейчас в кабаке для римских солдат, что у западных ворот, в компании весёлых собутыльников, и мысли, и чувства у него были бы совсем другими, и он полагал бы правильным то, что Империя пришла сюда, неся свет цивилизации варварским племенам, погрязшим в кровавом хаосе междоусобных войн, и поднимал бы чарку во славу и здоровье императора Тиберия. Так что нечего тут вздыхать и жаловаться – служба есть служба, и уж во всяком случае лучше просто жариться на солнце, чем жариться, вися на кресте.

Обозревая окрестности, центурион не спеша обошёл по длинной дуге место казни, потом снова остановился в трёх шагах от расположившихся прямо на земле легионеров. Легионеры, числом четверо, играли в кости. Играли без обычного азарта, а как-то с ленцой. Ставкой был цельнотканый хитон одного из осуждённых – единственный предмет одежды, представлявший хоть какую-то ценность, – всё остальное легионеры разорвали на тряпки. Время от времени кто-то из солдат прикладывался к кувшину с поской – слабым раствором уксуса, единственным напитком, который хоть ненадолго был способен унять жажду.

– Садись, центурион, – запанибратски предложил один из легионеров. – Кинь кости и расслабься.

Кому другому центурион не спустил бы подобной фамильярности, но с Флавием Постумом они были знакомы лет двадцать, отшагали вместе не одну тысячу стадиев по горам и равнинам, не раз пили из общей чаши и не раз дрались с варварами, стоя плечом к плечу. Поэтому он только покачал головой и, прикрывая глаза от солнца, посмотрел туда, где возвышались кресты с распятыми на них осуждёнными.

Осуждённых было трое. Слева висел зелот-сикарий, попавшийся во время недавнего мятежа над трупом заколотого им легионера. Справа – разбойник с большой дороги, прославившийся тем, что не убивал своих жертв, а только ослеплял их. А по центру стоял крест с человеком, который называл себя «Царём Иудейским».

Гай Кассий знал, что с делом Царя Иудейского не всё чисто. Перед Пасхой Иерусалим ломился от разного рода проповедников и пророков – у иудеев было в моде прослыть проповедником или пророком. Одним больше, одним меньше – погоды это не делает. Но Царь Иудейский чем-то очень насолил местному жречеству. Гай Кассий присутствовал на суде про-

куратора, состоявшемся этим утром на помосте у претории, и видел, что прокуратору явно не хотелось предавать этого молодого человека столь лютой казни. Согласно положениям римского права, если своими речами этот проповедник не подстрекал к бунту, а он не подстрекал, его можно было отпускать на все четыре стороны – даже бичевание было бы слишком суровым наказанием для него. Прокуратор хотел было умыть руки, отправив Царя Иудейского тетрарху Антипе, но тот тоже не захотел брать ответственность на себя и отослал молодого человека назад. Тогда прокуратор снова вышел на помост и заявил жрецам следующее: «Я, прокуратор Иудеи, провёл расследование деятельности этого галилеянина, однако не нашёл за ним никакой вины из тех, которые вы против него выставяете. Я должен его отпустить». Жрецы под водительством архиерея Ханана бен Шета и его зятя Кайафы тут же начали подбивать собравшийся на площади народ высказываться за немедленную казнь Царя Иудейского. Делали они это с такой варварской непосредственностью, без всякого стеснения и прямо на глазах у прокуратора и стоявших в оцеплении легионеров, что вызвали у последних насмешки и подзуживающие возгласы.

Простые иудеи, малоискушённые в подобных вещах (или просто купленные через одного), принялись дружно зывать к прокуратору: «Смерть самозванцу! Смерть самозванцу! Распни его! Распни!». Некоторые даже попытались прорваться сквозь оцепление к судебному помосту, где в кресле сидел прокуратор, и стоял, опустив плечи, Царь Иудейский. Гай Кассий, выполнявший на судилище роль начальника стражи, махнул рукой, и легионеры, сразу посерьезнев, сомкнули строй и выставили копья. Толпа отхлынула, но от намерений своих не отказалась.

«Распни его! Распни!»

Лицо прокуратора омрачилось. Положение казалось безвыходным, но тут на помост вбежала девушка, в которой Гай Кассий, несмотря на слабое зрение, легко опознал служанку жены прокуратора. Она что-то зашептала прокуратору на ухо, и тот улыбнулся с облегчением. После чего встал и объявил, что согласно древнему обычаю римские власти в канун приближающегося праздника могут освободить одного из приговорённых к смертной казни.

В толпе иудеев возникло замешательство, а Гай Кассий чистосердечно восхитился находчивостью прокуратора. На судьбу самозванца, называющего себя Царём Иудейским, центуриону было по большому счёту наплевать. Однако и он, подобно прокуратору, считал, что любое наказание должно быть заслужено. Более того, потакать Ханану и Кайафе – это не уважать самого себя и ставить власть Рима над этой провинцией ниже местечковой власти иудейского жречества.

Однако, несмотря на первую растерянность, вызванную словами прокуратора о старинном римском обычае, жрецы перестроились буквально на ходу, и из толпы раздались новые крики: «Освободи Бар-Аббу! Освободи нам Бар-Аббу!»

Прокуратор изогнул бровь. Удивился и Гай Кассий. О «подвигах» Иешуа Бар-Аббы все присутствующие были наслышаны – этот мятежник и убийца давно заслуживал смерти, и отпускать его меньше всего входило в планы прокуратора. Прокуратор недооценил Ханана бен Шета и сам попался в силки, которые расставил для других.

«Освободи нам Бар-Аббу! Освободи Бар-Аббу!»

Прокуратор всё же попытался спасти положение. Он вытолкнул Царя Иудейского вперёд и воззвал:

«Вот ваш Царь! Его я хочу освободить!»

«Долой самозванца! – отозвалась толпа. – Долой! Распни его!»

«Распятъ вашего Царя?» – прокуратор очень искусно изобразил недоумение – словно и в самом деле не понимал, о чём идёт речь.

«Нет у нас царя, кроме Цезаря!» – выкрикнул Кайафа, и толпа сразу притихла.

Лицо прокуратора закаменело, и Гай Кассий понял, что самозванец обречён. Лучшего хода иудейский жрец вряд ли мог придумать. Он не оставлял прокуратору выбора: если прокуратор после столь верноподданнического заявления решится защищать самозванца, он очень скоро будет иметь нелिцеприятную беседу с легатом Сирии, а если весть о странном поведении прокуратора дойдёт до Тиберия... Об этом лучше не думать.

Прокуратор повернулся к Царю Иудейскому и сказал только: «Ты будешь распят».

Так следствие по делу самозванца было завершено. Вопиюще несправедливый приговор был вынесен, и Гай Кассий стал одним из тех, кто привёл его в исполнение.

У подножия холма, на котором стояли кресты (за особую форму этот холм называли Голгофа – Череп), возникло какое-то движение. Иудеи, собравшиеся там сразу после того, как троица осуждённых была распята, представляли собой довольно пёструю компанию. Там были и просто зеваки, пришедшие поглазеть на казнь и высказать своё презрение тем, кто осмелился преступить закон; были и родственники распятых (у любого иудея их неисчислимое количество – плодятся, как саранча); были и люди Ханана, присланные наблюдать и подзуживать. Отличить их друг от друга на таком расстоянии было довольно затруднительно, тем более, что в последние годы зрение у Гая Кассия заметно ухудшилось, а левый глаз и вовсе поразила катаракта. Поэтому вместо отдельных людей центурион видел разношёрстную массу. Однако на то, чтобы разглядеть процессию, поднимающуюся к лобному месту, возможностей его ослабевшего зрения хватило.

– К оружию! – призвал он легионеров.

Те немедленно оставили кости и схватились за мечи.

– Я их знаю, – сообщил командиру Постум, глаз которого был зорек, как и в годы юности. – Отряд храмовой стражи.

– Только их не хватало, – пробормотал Гай Кассий.

С офицерами иудейской храмовой стражи центурион был знаком. Неоднократно встречался с ними по делам службы. При этом он был очень невысокого мнения о них. Вояки из храмовых стражников были аховые, и единственное, чем они могли по праву гордиться, так это прекрасным знанием жутких обычаев и ограничений, предписываемых каноном иудейской религии.

Когда процессия из семи стражников приблизилась настолько, что даже Гай Кассий смог различить лица, центурион вышел ей навстречу и поднял руку, привлекая внимание идущего впереди капитана. Тот тоже остановился и вежливо приветствовал центуриона на ломаной латыни. Гай Кассий поморщился и перешёл на арамейский, который он знал намного лучше, чем этот капитан – латынь.

– Зачем вы здесь? Кто вас прислал? – спросил Лонгин.

Капитан, с которого градом катился пот, облегчённо улыбнулся, заслышав арамейскую речь, – общий язык был найден.

– Мы пришли по приказу первосвященника Ханана бен Шета и тетрарха Ирода Антипы, – заявил он напыщенно. – Согласно обычаю, осуждённые на казнь должны умереть до наступления Пасхи. Мы пришли убить их.

«Варвары, – подумал Гай Кассий, неприязненно разглядывая капитана. – Всё им мало. Приговорили невинного, а теперь ещё и добить его хотят. Будто он сам к вечеру не окочурится».

– Осуждённые не доживут до наступления Пасхи, – сказал центурион. – Посмотрите сами.

– Нам приказали убить их, – стоял на своём капитан храмовой стражи. – И мы не уйдём, пока не выполним приказ.

«Что ж, – решил Гай Кассий, – по крайней мере, быстрая смерть сократит страдания несчастных».

– Выполняйте приказ, – бросил он, отступая в сторону.

Капитан удовлетворённо кивнул и сделал знак своим людям. Процессия двинулась дальше, к крестам, и тут центурион увидел оружие, которым стражники собирались завершить начатое их верховным жрецом. Его нёс один из стражников, и было это копьё довольно устрашающего вида: шесть локтей в длину, толстое древко, выкрашенное охрой в красный цвет, большой и туповатый наконечник, выкованный, по виду, из небесного железа. Разумеется, это ритуальное копьё: с таким в поход не отправишься. Более того, убить им противника будет непросто. Но только не в том случае, когда «противник» висит неподвижно – распятый на деревянном кресте.

Капитан и его люди направились напрямик к тому осуждённому, который висел по центру – к Царю Иудейскому. Легионеры, а с ними и Гай Кассий тоже подошли ближе, чтобы лучше видеть и вмешаться в случае чего: нельзя было исключать возможности, что Ханан задумал какую-нибудь очередную мерзость, – в полномочиях центуриона было немедленно прекратить любое действие храмовой стражи.

Самозванец не видел тех, кто пришёл его убить, – голова в терновом венце была низко опущена. Возможно, Царь Иудейский потерял сознание, но в любом случае он был ещё жив: впалая грудь опускалась и поднималась в такт неслышимому дыханию.

Капитан отобрал у стражника копьё и, взяв его двумя руками, чего не сделал бы ни один из римских солдат, нанёс первый удар. С сухим треском, словно палка, сломалось ребро, но тупой наконечник ритуального копья даже не разорвал кожу распятого. Царь Иудейский поднял голову и протяжно закричал, глядя незрячими глазами в раскалённое небо.

– Палачи, – буркнул Постум и демонстративно повернулся спиной к происходящему.

Охваченные единым порывом, остальные легионеры сделали то же самое. Только Гай Кассий не отвернулся – ему нужно было составить отчёт для прокуратора, поэтому он обязан был наблюдать экзекуцию до конца.

– Йе-ех! – такой клич издал капитан храмовой стражи перед тем, как нанести второй удар.

И снова у него не получилось добить распятого.

«Неудачно выбранная позиция, – отметил центурион глазом бывалого воина, – слабый замах, тупое копьё...»

Ещё один удар. С тем же результатом. Распятый больше не кричал – он только шептал что-то пересохшими губами. Гай Кассий не выдержал. Он шагнул к капитану и протянул руку:

– Дай сюда!

Капитан остановил замах и оглянулся. На его смуглом и мокром лице отразилось недоумение.

– Дай копьё! Я покажу, как надо...

Капитан покачал головой, и тогда центурион с силой вырвал ритуальное оружие из его рук. Быстро примерился и вонзил копьё Царю Иудейскому под углом в самый верх живота. Направляемый опытной рукой наконечник копья пробил кожу и мышцы, достав до сердца. Тело распятого выгнулось в предсмертной судороге, потекла тёмная кровь, но Царь Иудейский успел сказать ещё одно слово:

– Свершилось.

Голова его упала на грудь. Он был мёртв.

В этот момент Гай Кассий по прозвищу Лонгин понял, что прозревает. Катаракта исчезла без следа, мир вновь обрёл яркие краски, чёткие очертания, и центурион увидел будущее...

Глава первая К вопросу о религии

(Моздок, Северная Осетия, октябрь 1999 года)

Майор ВВС Семён Колчин не был религиозным человеком. Ещё полгода назад на вопрос о его отношении к религии, он ответил бы так: «Я – атеист. Причём, воинствующий». И, подмигнув, рассмеялся бы. Но очень часто вещи, о которых мы думать не думаем и вспоминать не вспоминаем в мирное время, становятся для нас необычайно важными, когда начинается война. Именно на войне Семён Колчин по-настоящему задумался о том, что для него значит Бог. И, задумавшись об этом, он вдруг понял, что вся его жизнь до этого момента была пуста и бессмысленна. А была она таковой, потому что в ней не нашлось места Богу.

В самом деле, если вселенная появилась в результате случайной флуктуации, как утверждают учёные, и за любым процессом, в том числе за жизнью человеческой, ничего не стоит, кроме бездушных физических законов, как утверждают материалисты, тогда всё и вправду бессмысленно, и смерть друзей от пуль чеченских бандитов напрасна, и сама эта война среди гор Кавказа не имеет никакого значения. А самое главное – получается, что не существует разницы между тем, что делают эти убийцы и насильники, превратившие некогда цветущий край в преисподнюю, и тем, что делает он, майор Семён Колчин, сражающийся за целостность своей страны, за будущее своих детей, – перед лицом вечной пустоты и мрака, который ждёт их всех после смерти. И те, и другие равны, и не будет никогда высшего и справедливого суда, по приговору которого каждому воздастся по делам его.

Такое положение вещей не устраивало Семёна, и однажды он собрался с духом и пришёл к отцу Мефодию (кстати, бывшему офицеру), устроившемуся при штабе группировки. Отец Мефодий выслушал его, не перебивая, потом спросил:

– Крещён ли ты, сын мой?

– Да, – кивнул Колчин. – Меня бабушка окрестила. Тайком от отца и матери.

– Это хорошо, – высказался отец Мефодий. – Тогда тебе ничто не препятствует обратиться в православную веру. Вот возьми книжку, почитай, потом придёшь и расскажешь, что ты понял.

Книжку, которую отец Мефодий выдал Колчину для изучения, можно было легко спрятать в нагрудный карман. Называлась она «От Иоанна Святое Благовествование».

В тот же вечер майор, освободившись от текущих дел и расположившись на койке в казарме, устроенной в одной из местных школ, раскрыл эту книжку и стал читать, шевеля по привычке губами. Первый же абзац принёс неожиданное открытие. «В начале было Слово, – писал Иоанн, – и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Майор озадачился. Он где-то слышал, что именно так начинается Библия, а потому ещё раз взглянул на обложку. Нет, всё правильно: «От Иоанна Святое Благовествование». Про «Библию» ни слова.

«Никто ничего толком не знает, – подумал Семён с неудовольствием. – Лишь языком умеют трепать».

Он углубился в чтение, и очень скоро понял, что перед ним Евангелие – одно из жизнеописаний Иисуса Христа. О Евангелиях он слышал больше, хотя до сих пор не проявлял любопытства в этом направлении и в своей небольшой домашней библиотеке «Новый завет» не держал. Несмотря на довольно трудный для понимания язык, текст Благовествования увлекал, и Колчин не заметил, как пролетел час, выкроенный им у сна. Но и потом, перевернув послед-

ную страницу, спрятав книжку и накрывшись с головой одеялом (он всегда спал, накрывшись с головой), майор долго ворочался на жёсткой койке, вспоминая прочитанное.

«Всё, что даёт Мне Отец, ко мне придёт, и приходящего ко мне не изгоню вон; ибо Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но всё то воскресить в последний день; воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрещу его в последний день».

В ту ночь Семёну Колчину снился древний город и три деревянных креста на горе над ним.

Через неделю, перечитав книжицу раз восемь, а некоторые места выучив наизусть, Семён снова пришёл к отцу Мефодию.

– Я понял слова Сына Божьего так, – без предисловий начал Колчин. – Если верить в него и следовать его заповедям, он гарантирует всепрощение и защиту.

Отец Мефодий улыбнулся чему-то своему.

– Ты богохульствуешь, Семён, – сказал он. – Но это от незнания. Запомни, Бог никогда и ничего не гарантирует, его милость нельзя купить за пять копеек. Думать иначе – значит, пытаться предугадать волю Господа, а это грех.

– Но я хочу быть уверен, что сражаюсь за правое дело, – возразил майор. – А для этого я должен быть уверен, что моё дело угодно Богу.

Отец Мефодий покачал головой, с сомнением глядя на Колчина, потом достал из стола обитую бархатом шкатулку и открыл её. Семён увидел, что в шкатулке лежат маленькие позолоченные крестики. Отец Мефодий пощёлкал над раскрытой шкатулкой пальцами, выбирая, затем ухватил один из крестиков за стальную цепочку, продетую сквозь ушко, и подал крестик майору.

– Носи, Семён, – сказал отец Мефодий. – Может быть, *это* придаст тебе уверенности.

Колчин с благодарностью принял крестик. Однако побыть православным ему дали недолго. Всего лишь через двое суток, поздно вечером, его вызвал к себе заместитель командира отдельной вертолётной эскадрильи – полковник Шуринов. Выглядел полковник невыспавшимся и смертельно уставшим, а потому, даже не поздоровавшись, протянул планшетку.

– Здесь полётное задание, – сообщил полковник скупое. – Слетаешь в Пятигорск, забереёшь новых пилотов.

– Почему ночью? – рискнул спросить Колчин, который тоже не высыпался.

– По кочану, – отвечал полковник, но потом снизошёл и добавил: – Слушай, Семён, я знаю, как ты устал. Мы все устали. Но эти ребята уже завтра утром должны сесть на штурмовики и лететь на Грозный. Таков приказ командования, и не нам с тобой его обсуждать. Так что, извини, выспишься потом.

Колчин козырнул и вышел.

«В конце концов, – рассуждал он, – всего сто сорок километров над своей территорией. Одна нога здесь, другая – там».

Он, конечно же, помнил, что в нескольких десятках километров южнее его маршрута проходит граница Федеративной Республики Народов Кавказа,¹ активно поддерживающей чеченских сепаратистов и воинственной настолько, что на государственный флаг у неё были вынесены аж два стилизованных изображения автомата Калашникова, но в последнее время активность на этом участке заметно снизилась, и Колчин подумал: авось, пронесёт.

Майор поднял на ноги наострившегося вздремнуть штурмана, и через пятнадцать минут его вертолёт – транспортная модификация «Ми-8» – под натужный вой турбин поднялся над

---

¹ Федеративная Республика Народов Кавказа – независимая мусульманская республика, расположенная на территориях Северного Кавказа и Закавказья; авторский вымысел.

аэродромом в Моздоке и, быстро набрав скорость, взял курс на северо-запад. Ещё через полчаса он заходил на посадку в Пятигорске.

- Вас ждут, двадцать восьмой, – порадовал по ближней связи дежурный с вышки КДП.²
- Отлично, – сдержанно отозвался Колчин.

Когда шасси «Ми-8» коснулись бетона вертолётной площадки, майор резко убавил газ, но останавливать лопасти не стал, предоставив им возможность вращаться на холостом ходу.

- Пойди открой люк, – приказал он штурману.

Тому очень не хотелось вылезать из удобного кресла, он заворчал невнятно, но спорить не посмел, а, повозившись со страховочными ремнями и наконец расстегнув их, пошёл к люку. Кладули замки, и в нутро вертолёта ворвался холодный осенний воздух. Колчин инстинктивно поёжился.

- Эй, командир, – позвал штурман после некоторой паузы, – иди глянь на этих орлов.

Майор без особого энтузиазма встал и направился вслед за штурманом. У люка он наклонился и выглянул наружу. В свете прожекторов Колчин увидел целую толпу офицеров в кожаных, отороченных мехом куртках и в фуражках. Напор воздуха от лопастей был достаточно силен, чтобы офицеры пригибались, как под встречным ветром, и придерживали фуражки руками.

- Сколько вас?! – зычным голосом бывшего вертолётчика спросил Колчин.
- Тридцать человек! – ответили ему.

Майор и штурман озабоченно переглянулись.

- Ну, тридцать человек мы ещё увезём, – с некоторым сомнением сказал Колчин.
- На пределе грузоподъёмности, – напомнил штурман. – Придётся идти ниже трёх.

Он очень не любил «ходить ниже трёх». Да и кто любит? Высота в три километра – предельная для ракет переносного ЗРК³ класса «Стингер», любимого оружия афганских и чеченских моджахедов.

- Ладно, – Колчин безнадёжно махнул рукой, – залезайте.

Не прошло и пяти минут, как в грузовом отсеке «Ми-8» было уже не протолкнуться. Пилоты, ставшие сегодня пассажирами, один за другим забирались в вертолёт, волоча с собой скромные пожитки.

- Откуда вы, ребята? – полюбопытствовал Колчин.
- С «Адмирала Кузнецова»,⁴ – отозвался один из «ребят». – Слышал о таком авианосце?
- А-а. Так вы морская авиация? Но «Кузнецова» же, по слухам, продали индусам?
- На то они и слухи, – пилот морской авиации улыбнулся, но как-то очень невесело. – «Москву» индусам продали, а «Варяг» – китайцам. А мы уж пять лет как к Северному флоту приписаны. У Североморска швартуемся.

- Ну да, конечно, – вспомнил Колчин. – У вас ещё недавно учения были.
- Они и сейчас продолжаются. Только без нас.
- Ничего, – приободрил майор пилотов, – вам тут понравится. Опыт реальных боевых действий...

– Чихал я на твой опыт, – резко отозвался пилот, и Колчин сразу утратил всякое дружелюбие по отношению к своим новым пассажирам. – Все сели? – сварливо осведомился он и, не дожидаясь утвердительного ответа, захлопнул люк.

Потом вернулся в своё кресло.

- Сосунки, – сообщил он штурману. – Элиту из себя корчат.

---

² КДП – командно-диспетчерский пункт, помещение на аэродроме, оборудованное средствами связи и радиотехнического обеспечения, откуда осуществляется управление летательными аппаратами.

³ ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

⁴ «Адмирал Кузнецов» (полное название – «Адмирал флота Советского Союза Н.Г.Кузнецов») – тяжёлый авианесущий крейсер, проект 11435, вступил в строй в 1990 году, в настоящее время – флагман Северного флота.

– Ага, – охотно согласился штурман. – Пороха не нюхали, а туда же...

Тут Колчин вспомнил, что он теперь православный и должен прощать ближнему мелкие прегрешения.

– Хрен с ними, – махнул он рукой. – Давай работать. Я сегодня ещё ухо придавить собираюсь – часов эдак на двенадцать.

– Всегда «за», – поддержал штурман.

Майор запросил у КДП разрешение на взлёт и, получив его, поднял отяжелевшую машину в воздух. Обратный путь на относительной высоте⁵ в полтора километра и на скорости в сто шестьдесят километров в час. Штурман постоянно сверялся с картой местности – теперь это имело значение.

Тем временем в небольшой заросшей густым кустарником ложине всего в десяти километрах западнее взлётно-посадочной полосы аэродрома Моздока расположились пятеро в камуфляжных костюмах без знаков различия. Впрочем, знаки различия им были не нужны – они уже месяц воевали вместе и прекрасно знали, кто есть кто и чего каждый из них стоит. Трое из пятерых были вооружены автоматами Калашникова, обвешаны гранатами и полными магазинами – они осуществляли прикрытие. Двое других были расчётом зенитно-ракетного комплекса «Стингер ПОСТ». Они задолго услышали звук, издаваемый силовой установкой и лопастями приближающейся «вертушки».

– Летят. Значит, наводчик не обманул, – констатировал вполголоса стрелок-оператор. – Товсьсь! – скомандовал он скорее по привычке, чем по необходимости.

Второй оператор помог стрелку взвалить на плечо пусковую трубу «Стингера», сделанную из стекловолокна. Стрелок привёл в действие съёмный пусковой механизм, висящий у него на пояском ремне.

– Так, – произнёс он, прикинув к видеоискателю прицела. – Я их вижу. Помех не ставят. Идут низко. Будто в Москве.

Члены группы прикрытия поглядывали на оператора с восхищением. Для них – вчерашних студентов первого курса Грозненского университета, – старший офицер, столь непринуждённо разбирающийся со «сложным военным оборудованием», казался полубогом.

– Стреляю на счёт «три», – предупредил оператор своих спутников. – Раз... два... три!

Воспламенившись, пороховой стартовый ускоритель вытолкнул зенитную управляемую ракету FIM-92B из пускового контейнера, и она почти мгновенно набрала максимально возможную для ракет этого класса скорость – семьсот метров в секунду. Двухдиапазонная (инфракрасная и ультрафиолетовая) головка самонаведения захватила цель, и ракета, корректируя свой курс двумя рулями, устремилась навстречу вертолёту «Ми-8».

Майор Колчин засёк момент старта ракеты, но ничего не успел сделать. Он не успел даже крикнуть. Через две секунды после старта ракета FIM-92B попала точно в один из воздухозаборников «вертушки». Контактный взрыватель сработал, как часы, и мощнейший взрыв сотряс вертолёт. Отсек двигателей и отсек главного редуктора охватило пламя. Одна из лопастей несущего винта оторвалась, и «Ми-8» камнем рухнул вниз.

Главным недостатком любых вертолётов является невозможность быстрой эвакуации экипажа и пассажиров в случае аварии. Катапульты предусмотрены пока только в одном вертолёте – в знаменитом «Ка-50» («Чёрная акула»). «Ми-8» такого средства эвакуации не имел. Поэтому, когда вертолёт, управляемый майором Колчиным, задымил и с высоты в полтора километра упал на землю, никто не должен был уцелеть. Однако на войне, как нигде в другом месте, случаются настоящие чудеса. Первый удар о склон холма пришёлся на хвост, в результате он переломился, и нос вертолёта вошёл в землю под острым углом. Остекление кабины

---

⁵ Относительная высота – высота, измеряемая относительно уровня аэродрома или цели.

разлетелось, и Колчина выбросило в образовавшийся проём вместе с креслом. Через секунду взорвались топливные баки, и останки вертолётá охватило пламя.

В это время в лощине, откуда вылетела ракета, шёл горячий спор. Оператор-стрелок освободился от пускового контейнера и съёмного пускового механизма и теперь спорил с группой прикрытия. Молодые люди говорили, что нужно уходить как можно быстрее. Они опасались появления отряда быстрого реагирования в районе падения «вертушки». Стрелок же намеревался осмотреть место катастрофы на предмет поиска уцелевших: он хотел быть уверенным, что дело доведено до конца. Молодёжь трусила и пыталась доказывать, что после падения с такой высоты уцелевших быть не может. Стрелку-оператору надоело спорить, и он сказал так:

– Я мог бы приказать вам, молокососы. Но не буду этого делать, потому что так вы ничему не научитесь. Поэтому я просто пойду туда один, но потом – потом! – доложу о вашем поведении Шамилю. Не думаю, что он обрадуется, если узнает, какое дерьмо служит под его началом.

Членам группы прикрытия очень не понравилось, что об их трусости узнает бешеный Шамиль. Больше того, кроме репутации они могли потерять и премиальные, которые полагались за вылазку на территорию, контролируемую «федералами». Осознание этого придало им мужества, и вскоре вся группа под покровом ночи продвигалась в направлении склона, где разбился вертолёт.

Майор Колчин пришёл в себя через четверть часа после того, как его вместе с креслом выбросило из «вертушки». «Ми» догорал. Элементы его конструкции, разбросанные взрывом баков далеко вокруг, распространяли удушливый чад. У Семёна болело всё тело, но особенно мучительной была боль в позвоночнике – туда словно засадили раскалённый штырь. Семён попытался выбраться из кресла, к которому был пристёгнут и вместе с которым лежал теперь на боку. Однако руки не слушались его. Он попытался кричать, но сумел выдать из себя лишь слабый всхлип.

«Боже, – подумал Колчин, – я, кажется, умираю».

Эта мысль его не испугала. Он был на всё согласен, лишь бы избавиться от жуткой сверлящей боли. Он попробовал молиться, но тут оказалось, что он не знает молитв. Отец Мефодий почему-то не снабдил его молитвенником, а сам майор, занятый другим, забыл попросить об этом.

«Но ведь это ничего, Господи, – мысленно обратился он к Всевышнему, – это ведь ничего, что я не знаю правильных слов? Главное – я верую и искренен в своих словах. Я скоро встречу с тобою, Господи, и прошу простить мне все грехи, большие и маленькие, которые я совершил...»

Майор попытался вспомнить, какие именно грехи он совершил в своей жизни, ведь именно так, вроде бы, полагается делать на исповеди, но любые воспоминания о прошлом оттеснила сиюминутная невыносимая боль, и он так ни в чём и не сумел покаяться.

Прошло довольно много времени. Или Колчину только показалось, что много, но за истёкшие минуты (или часы?) ничего не изменилось. Всё так же чадил разломленный остов вертолётá, всё так же болело тело, всё так же майор не мог подобрать слов, которые были ему сейчас очень важны.

«Прости меня за все грехи – большие и маленькие, – вертелась одна-единственная мысль. – Прости меня за все грехи – большие и маленькие...»

И вдруг в неверных отсветах открытого пламени Колчин увидел, что к нему идёт человек.

«Ангел, – подумал майор. – Наверное, это ангел смерти. Он пришёл забрать мою душу».

Отчасти он был прав. Человек, который продвигался к нему по склону, настороженно оглядываясь по сторонам и переступая через мелкие остывающие в траве обломки, пришёл забрать душу майора, но только вряд ли ангел станет носить камуфляжную форму без знаков различия и автомат Калашникова на ремне, перекинутом через плечо.

Когда человек подошёл ближе, Колчин снова попробовал пошевелиться, и снова тело отказалось повиноваться ему. Впрочем, он мог наблюдать за «ангелом смерти» и лёжа на земле.

Незнакомец приблизился настолько, что можно было бы разглядеть его лицо. Подойдя, он даже присел на корточки, склонившись над Колчиным. Однако лица у «ангела смерти» не было. Точнее, оно было скрыто под маской, и только в специальных прорезях горели два чёрных злых глаза.

– Давно обосновался? – спросил Человек-без-лица.

Говорил он чисто, без малейшего акцента, так что неясно было, кто перед Колчиным – чеченец, хохол из наёмников, а, может быть, и впрямь, русский?

– Чего молчишь? – Человек-без-лица проявил нетерпение. – Язык проглотил?

Он включил фонарик и посветил Колчину в лицо. Потом луч фонаря скользнул по груди майора с врезавшимися в неё ремнями, по переломанным ногам.

– Ого! – удивился Человек-без-лица. – Как тебя отделало. Не жилец, – подытожил он.

Майор и сам знал, что он не жилец. Он только хотел, чтобы всё это побыстрее закончилось. Сзади подошёл ещё кто-то. Второй говорил с акцентом, что сразу выдавало в нём чеченского боевика.

– Эй, командир, – позвал этот второй, – уходить надо. Там все мёртвые – проверено.

– Сейчас уйдём, – отмахнулся Человек-без-лица.

Сказав так, он вытащил из чехла на поясе штык-нож.

«Вот и конец», – подумал Семён Колчин.

Он зажмурился, приготовившись принять смерть. Однако время шло, а удар милосердия заставлял ждать. Колчин почувствовал, что его переворачивают, открыл глаза. Человек-без-лица, ловко действуя ножом, перерезал страховочные ремни, переложил безвольное тело Колчина сломанной спиной на землю, расстегнул на майоре куртку и принялся шарить рукой, нащупывая карманы.

«Мародёр, – подумал Семён отрешённо. – Это же просто мародёр».

Через некоторое время Человек-без-лица обнаружил цепочку на шее Семёна и резко дёрнул её на себя, одним усилием разорвав звенья.

– А ты, значит, православный, – с утвердительной интонацией произнёс Человек-без-лица.

Он поднёс крестик к глазам, разглядывая. Потом выругался непонятно и отбросил его в сторону.

– Дерьмо! Позолота! – сказал он с отчётливым отвращением. – Что же ты, православный, так низко ценишь своего Бога, что таскаешь на шее подделку, а?

Человек-без-лица выпрямился во весь рост. Клацнул предохранитель, переводимый в положение для стрельбы одиночными. Человек-без-лица навёл автомат на Семёна.

– Прощай, православный, – сказал Человек-без-лица. – Отправляйся к своему нищему Богу.

В лицо Семёну ударило ослепительно белое пламя. Звука выстрела он уже не услышал...

(Санкт-Петербург, декабрь 1999 года)

Стены лабиринта, сложенные из белого кирпича, были покрыты плесенью ядовито-жёлтого цвета. С потолка свисали какие-то непонятные зелёные сопли – возможно, лианы, хотя откуда взяться лианам в сыром, вонючем и полутёмном подвале?..

Было видно, что Кирюша идёт по подвалу не в первый раз. Он сразу свернул налево, ткнулся в стену, что-то там нажал, и с протяжным скрипом участок стены поддался, сдвинулся, и за ним обнаружилась комнатка, набитая боеприпасами.

– Теперь куда? – спросил Константин Громов.

Стоя над сыном, он повязывал галстук. Галстук был хороший, немецкого производства, его полагалось повязывать по всем правилам, однако именно этих правил Громов, привыкший пользоваться офицерским галстуком на резинке, не знал и знать не особенно хотел. Галстук в свою очередь не хотел знать Громова – узлы получались кривые и самого ужасного вида. Громов перевязывал галстук уже в десятый раз.

– Теперь прямо, – отвечал сын Кирюша.

– Ух ты! – воскликнул Громов-старший, когда стальная, в заклёпках, дверь ушла в сторону, и за ней нарисовался рядовой вермахта в сапогах, каске и при пистолете.

– Hande hoch!⁶ – угрожающе крикнул рядовой, поднимая своё оружие.

Но Кирюша успел первым. Пистолет, зажатый в его выставленных вперёд руках, дёрнулся, грохнул выстрел, изо рта противника выплеснулась ярко-алая кровь, и немец, издав отчаянный крик, повалился спиной на пол. Из-за угла сразу же налетел второй, но и его Кирюша уложил в два выстрела.

– Ловко ты их, – похвалил Громов-старший.

– Это ещё что, – отозвался Кирюша с превосходством. – Вот сейчас гестаповец будет...

– Тут и гестаповцы есть? – удивился Константин.

– И не только они, – пообещал Кирюша.

Помещение, в котором он теперь оказался, было гораздо просторнее первого. Ярко светились лампы в зелёных плафонах, подвешенных под потолком. В центре помещения кто-то додумался выложить колодец, наполненный доверху неестественно голубой водой. Кирюша к колодцу не пошёл, а свернул направо – в боковой проход.

– Сейчас, сейчас... – бормотал он.

Тут прямо по курсу движения появился некто, затянутый в синюю форму, с заломленным на бровь берете и пистолетом-пулемётом «MP-41»⁷ наперевес.

– Гестапо! – с непередаваемым апломбом заявил этот новый персонаж.

– Получи! – отозвался Кирюша, азартно давя на клавиши.

Он выстрелил три раза подряд, и «синий», сказав нечто вроде: «Meine Liebe»,⁸ завалился.

– Теперь у меня есть автомат «шмайссер», – с гордостью сообщил Кирюша.

– Сколько раз тебе повторять? – немедленно укорил Громов-старший. – Во-первых, это «MP-41». У него только приклад от Шмайссера. Во-вторых, под маркой Шмайссера никогда не выпускались автоматы – только пистолеты-пулемёты. А немецкий автомат того времени выглядел совсем по-другому. Он, скорее, на автомат Калашникова похож.

– Зануда ты, папа, – проинформировал отца непочтительный подросток. – Пистолет, автомат... Главное – стреляет классно.

– Ну ладно, – сказал Константин; он всё ещё не мог справиться с галстуком. – Показывай дальше.

– Мужчины! – позвала из соседней комнаты Наташа Громова. – Вы готовы?

Громов-старший посмотрел на сына, сын посмотрел на Громова-старшего.

– Мы готовы? – шёпотом спросил Константин, пытаясь затянуть на шее созданный собственными руками и совершенно невообразимый узел.

– Мы готовы, – сказал Кирюша, поправляя бабочку, – а вы... не знаю.

– Умный больно стал, – Громов отвесил отпрыску лёгкий подзатыльник. – Акселерат, понимаешь.

---

⁶ «Hande hoch!» – «Руки вверх!» (нем.)

⁷ «MP-41» – пистолет-пулемёт, состоявший на вооружении Вермахта с 1941 года; очень часто его ошибочно называют «автоматом Шмайссера».

⁸ «Meine Liebe» – «Моя любовь» (нем.)

Кирюша не обиделся на «акселерата», хотя значения этого слова пока не знал. Он любил отца и прекрасно разбирался, когда тот по-настоящему сердит, а когда занимается тем, что сам же иронически называет «воспитанием подрастающего поколения».

С галстуком Громов-старший так и не справился. Пришлось вмешаться Наташе, и через пятнадцать минут всё семейство наконец вывалилось из парадной дома на Серебристом бульваре, чтобы разместиться со всеми удобствами в новенькой (всего месяц назад приобретённой) «девятке».

– Интересная игра, – с заметным опозданием высказал своё отношение к увиденному Громов-старший. Сев за руль, он завёл двигатель, включил электропечку и теперь дожидался, когда в салоне прогреется воздух. – Надо будет поиграть. Как она называется?

– «Копьё Судьбы», – ответил Кирюша и перевёл важно на английский: – «Spear of Destiny».

– Ага, – Константин помотал головой. – Буду знать.

Кирюша учился в четвёртом классе коммерческого лицея «с компьютерным уклоном». Часть предметов в этом лицее преподавалась на английском языке, и Кирюша уже неплохо разбирался и в языках, и в компьютерах, однако Громов-старший всё никак не мог привыкнуть к тому, что его сын знает и умеет гораздо (на несколько порядков) больше, чем он сам в его возрасте. И каждый раз, когда случай подтверждал это, только изумлённо мотал головой. Новое поколение, появившееся на свет уже после того, как некогда всемогущая Коммунистическая Партия Советского Союза была заклеена и запрещена, и не помнящее ничего из прежней жизни, всегда поражало Константина. На младших представителях этого поколения, только ещё подошедших к своему первому десятилетнему рубежу, новая реальность ставила свои отметины, напоминая тем, кто полагал иначе, что равенство – это миф, придуманный от большого жиру. Будущий жизненный успех или неуспех этих ребят определялся вовсе не их способностями, что было бы в порядке вещей в мире «равных возможностей» (или даже в мире «уровненных возможностей»), а чистой случайностью. Разве не случайность, что полтора года назад Константин Громов стал одним из исполнителей в операции «Испаньола»? А ведь именно это в конечном итоге привело к кардинальному изменению его социального статуса и доходов. Сложись по другому, он мог бы до сих пор оставаться на старой должности – командиром части 461-13"бис" – и нищенствовать, по полгода дожидаясь чисто символической зарплаты. Что несомненно сказалось бы и на Кирюше: сын учился бы в обыкновенной школе у обыкновенных, замордованных жизнью, учителей по обыкновенной программе, которая, как хорошо помнил Громов-старший, могла научить только одному – абсолютному нежеланию что-либо знать и что-нибудь уметь. Да, сейчас модно рассуждать о том, что если человек приложит усилия, будет трудиться по пятнадцать часов в сутки без выходных и отпусков, он сможет многого добиться и в конце концов разбогатеет. Однако те, кто так утверждает, лукавят, потому что без продуманной экономической политики в государстве любой, самый тяжёлый, труд обесценивается и любые, самые крупные, сбережения могут вылететь в трубу. А дети – что дети? – дети об этом даже не задумываются. Как не задумывались они об этом во все времена...

К церкви Благовещения Пресвятой Богородицы Громовы прибыли за четверть часа до назначенной церемонии. По дороге Константин остановил машину у цветочного павильона и купил три огромных букета.

– Это ещё зачем? – глупо спросил Кирюша, для которого традиция свадебной церемонии была в новинку.

– Держи, – отозвался Громов-старший, передавая ему один из букетов. – Вручишь невесте.

– А когда вручать?

– Следи за другими, – посоветовал Константин. – Когда все вручать будут, тогда и ты.

– А я креститься не умею... – сообщил Громов-младший, которому сразу расхотелось участвовать в предстоящем ритуале.

– Тебе необязательно, – отмахнулся Константин. – Главное – в носу поменьше ковыряй. Наташа предпочитала не вмешиваться в мужской разговор.

Приехали они далеко не первыми. У церковной ограды было припарковано с десяток автомашин, среди которых выделялся вызывающе белый джип Алексея Лукашевича. Сам Лукашевич, одетый в парадный мундир со всеми орденами и медалями, как и полагается жениху, имеющему офицерское звание, о чём-то беседовал с родителями невесты. Завидев «девятку» Громова, он сделал отмашку рукой, давая понять Константину, что видит и приветствует.

Константин пристроил свой автомобиль с краю от общего ряда, вылез наружу и предупредительно открыл дверцу, выпуская жену с букетами. Кирюша, шурясь на скупом зимнем солнце, вылез сам. Настроение его ухудшалось прямо пропорционально уменьшению расстояния до церковной паперти. Он ёжился в своём выходном пальто и смотрел волком.

– Пап, можно я в машине посижу? – попросил он. – Дядя Лёша без меня обойдётся.

Но Громов-старший был неумолим.

– Нечего ныть, – сказал он строго. – Тебе это на пользу пойдёт.

Тут уже вмешалась Наташа.

– Костя, ну что ты в самом деле? – одёрнула она мужа. – Я тоже не понимаю, зачем нам идти на эту... этот ритуал. Я раньше не замечала за тобой особой религиозности.

Громов внимательно посмотрел на жену.

– Всё когда-нибудь случается в первый раз, – заметил он с лёгкой усмешкой. – И мы это уже обсуждали, Ната. Мой друг захотел, чтобы его брак был засвидетельствован не только в загсе, но и на небесах. Я уважаю своего друга, а значит, уважаю и это его решение. И я должен быть там, чтобы своим присутствием выразить своё уважение...

– Всё понятно, – прервала его Наташа. – Твоё уважение к Алексею и его желаниям достойно похвал. Но Кире зачем там быть?

Громов вздохнул.

– А Кириллу нужно расширять кругозор. Чтобы знать, в каком мире он живёт. А то сутками из-за компьютера не выходит.

Аргумент был железный. Когда персональные компьютеры только появились, никто и представить не мог, как быстро они станут любимой игрушкой юношества, и молодые матери (к которым относилась Наташа) будут с возрастающим беспокойством наблюдать за тем, как их любимые чада погружаются без остатка в глубины виртуальной реальности. Сам Громов-старший относился к этой новой проблеме философски. Он неплохо знал историю и помнил, что ещё ни разу появление новых средств обработки и воспроизведения информации не меняли жизнь и быт столь кардинальным образом, чтобы изменилась мораль. Понятия «что такое хорошо» и «что такое плохо» не претерпели существенных изменений ни с возникновением кинематографа, ни с возникновением телевидения.

Революционность информационных технологий кажущаяся, полагал Громов. Они вызывают страх только потому, что большинство людей до сих пор ни бельмеса в них не смыслит. А юношеский максимализм в этих делах – всего лишь юношеский максимализм. Мы вон в своё время пятнадцать раз «Пиратов XX века» смотреть бегали – то ещё погружение в виртуальную реальность, – но ведь дебилами не выросли...

В общем, Константин Громов с уверенностью смотрел в будущее. Чего нельзя сказать о его жене Наташе, которая в последнее время была сильно озабочена «компьютерной проблемой».

Кирюша понял, что если отец прибежит к запрещённому приёму, он не отступится, и значит, идти в церковь хочешь не хочешь, а придётся. Поэтому без дальнейших возражений Громов-младший взял свой букет и покорно поплёлся к воротам.

У ворот семью Громовых нагнал Алексей Стуколин, приехавший на трамвае. Он, подобно Константину, предпочёл гражданский костюм. Единственным предметом одежды, выдававшим его принадлежность к российской армии, была кожаная пилотская куртка.

– Здорово, Костя! Здравствуйте, Наташа! Хай, Кир! – приветствовал он семейство. – Как поживаете?

– Нормально, – отвечал за всех Громов-старший, улыбаясь.

– Надеюсь, мероприятие надолго не затянется? – высказался Стуколин, доставая из кармана куртки пачку сигарет «Прима» и закуривая.

(Как и его друзья – Громов с Лукашевичем – капитан ВВС Алексей Стуколин раньше не курил, но после операции «Испаньола» и памятного налёта на базу в Оленегорске вдруг начал и избавиться от этой дурной привычки уже не смог).

– Минут сорок займёт, – проинформировал приятеля знаток религиозных церемониалов Громов.

Раскланиваясь по дороге с родственниками брачующихся и другими приглашёнными, все четверо двинулись к церкви. У паперти уже дожидались нищие и увечные, предчувствующие скорую наживу. Среди них выделялся молодой человек без ног, но в камуфляжной куртке и чёрном берете сапёра.

– Где зацепило, братишка? – спросил его Стуколин.

– Чечня, – буркнул инвалид, глядя исподлобья.

Стуколин пожертвовал ему червонец. Алексей и сам написал два десятка писем на имена Министра обороны и Главнокомандующего с просьбой направить его в Чечню, однако никакого ответа не получил. В местном же военкомате на него посмотрели, как на придурочного, и велели больше не появляться, заявив, что пилотов на этом участке вполне хватает. Стуколин немедленно устроил скандал, грозился «набить морду» начальнику военкомата и уйти после этого добровольцем в мотострелковую часть. Однако уже на следующий день Алексей имел конфиденциальную беседу с лейтенантом ФСБ Владимиром Фокиным, курировавшим группу Громов – Лукашевич – Стуколин ещё со времён операции «Испаньола». После этой беседы, продолжавшейся без малого два часа, Стуколин поумнел, присмирел и перестал бомбардировать Министерство обороны своими письмами. Громов только диву давался столь разительной перемене и как-то раз вызвал друга на откровенность с целью выяснить, что же произошло между Стуколиным и Фокиным при встрече. Алексей отмалчивался и загадочно улыбался. Только однажды он обронил, что есть дела поважнее Чечни и бессрочный неоплачиваемый отпуск, в котором не по своей воле оказались трое офицеров, скоро закончится. Громов пожал плечами и решил не углубляться. К «антитеррористической операции» в Чеченской республике и к происходящим вокруг неё событиям он относился спокойно – без лишних эмоций и высказываний. В зону боевых действий он тоже не рвался, резонно полагая, что каждый должен делать своё дело на своём месте.

Ожидание у паперти церкви надолго не затянулось. Ровно в два часа, как и было назначено, из церкви вышел седобородый священник в рясе и клобуке и пригласил брачующихся внутрь.

Громов взял насупленного Кирюшу за свободную руку и, наклонившись к нему, сказал: – Смотри и запоминай. А я буду объяснять.

Виновники торжества, а за ними и приглашённые, вошли под высокие своды церкви. В носу у Кирюши засвербело от щекочущего запаха ладана, и он едва удержался от того, чтобы не чихнуть.

– Церемония делится на две части, – зашептал ему отец. – На обручение и венчание. Раньше, видишь ли, эти ритуалы были разделены и разнесены во времени. То есть обручение могло произойти задолго до венчания. Очень часто обручали младенцев...

Кирюша почти не слушал отца. Церковь произвела на него сильное впечатление. Причудливое и роскошное убранство, позолота, цветные витражи, тёмные лики икон, горящие свечи могли поразить и менее впечатлительную натуру. Кирюша совсем притих и только оглядывался вокруг с изумлением.

Тем временем свадебная церемония развивалась согласно канону. Обручение происходило в притворе церкви. Выговаривая сильным басом молитвы, седобородый священник благословлял жениха и невесту. Жених, Алексей Лукашевич, запакованный в мундир, и невеста, Зоя Пономарёва, в белом свадебном платье и под фатой, заученно крестились в нужных местах.

«Ишь наострился, – думал Алексей Стуколин, наблюдая за Лукашевичем со спины. – И откуда что взялось?»

Впрочем, он знал, откуда это взялось. Операция «Испаньола» и последовавшая за ней схватка в небе Заполярья многое изменили в их жизни, и, как следствие, в душе каждого. Самое любопытное, что внешне эти изменения почти никак не проявлялись – все трое давно научились скрывать свои истинные чувства, и только человек, который их хорошо и долго знал, мог заметить разницу. Например, Алексей Стуколин начал курить. Константин Громов рассказывал всё меньше фантастических историй, но зато всерьёз взялся за гитару и за каких-то полгода выучился играть и петь на вполне приличном уровне. А Лукашевич вот окрестился и стал верующим. Без фанатизма, конечно, – Лукашевич никогда и ничего не делал с фанатизмом – но осознанно и с чувством выполненного долга.

Константин Громов, рассказывая сыну о подробностях православного свадебного ритуала, в свою очередь вспоминал, как они – Лукашевич и Зоя – впервые увидели друг друга. Это был заслуживающий внимания эпизод их совместной биографии, и он, словно в каком-нибудь пошловатом «женском» романе, начался с взаимной пикировки. Громов очень хорошо помнил тот день, когда «комиссия от администрации Мурманска», возглавляемая советником по безопасности Львом Максимовичем Маканиным, появилась на территории авиационной воинской части 461-13"бис", чтобы дать своё заключение о готовности этой части к ведению боевых действий. Это произошло в августе 98-го года – то есть уже больше двух лет назад. Тогда только-только случился знаменитый «дефолт», и даже офицерам, несущим службу вдали от столиц, довелось испытать на своей шкуре, что это такое – жить в условиях финансового кризиса. Были они поэтому необычайно злы, и замечание Зои, высказавшейся в том смысле, что «МиГи-23», которыми была укомплектована часть – это полное старьё, восприняли весьма агрессивно. Да, много воды утекло с тех пор, и разве мог себе представить Алексей Лукашевич, встретив Зою, мягко говоря, неприветливо, предположить, что через два года он будет стоять с этой женщиной под сводами церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Петербурге и слушать священника, совершающего свадебный обряд?

«Никогда не угадаешь, – подумал Громов, – где найдёшь, где потеряешь...»

Первый этап церемонии бракосочетания – обручение – подходил к концу.

– Ты, Господи, с самого начала создал мужчину и женщину, – напевно говорил священник, – и от тебя даётся мужу жена в помощь и для воспроизведения рода человеческого. Обменяйтесь кольцами, дети мои, – приказал он молодым.

Кирюша вздохнул с облегчением и посмотрел на отца. Он ошибочно полагал, что обмен кольцами есть последний акт церемонии. Громов снова наклонился к нему.

– Теперь начинается вторая часть, – «порадовал» он сына, – собственно венчание.

Алексей и Зоя прошли в средний храм, остановившись перед аналоем.⁹ Здесь священник задал главный вопрос, перейдя на церковно-славянский и обращаясь сначала к жениху:

– Раб божий Алексей, имели ли произволение благое и непринуждённое и крепкую мысль пойти себе в жену сию, уже здесь пред тобою видеши? И не обещался ли еси иной невесте?

– Да, – ни секунды не колеблясь и громко, чтобы все слышали, отвечал Лукашевич.

Священник обратился к невесте:

– Раба божья Зинаида, имели ли произволение благое и непринуждённое и крепкую мысль пойти себе в мужи сего, уже здесь пред тобою видеши? И не обещалась ли еси иному жениху?

– Да.

«Ну вот, – отметил про себя Стуколин. – и всех делов. Теперь я один холостой остался». Он задумался, так ли это плохо. И решил, что узнать это можно, только женившись. В планах на ближайшее будущее женитьба у Стуколина не значилась, и он отложил рассмотрение этого вопроса до лучших времён.

Трёхкратное произнесение формул «Венчается раб божий на рабе божьей» и «Венчается раба божья на рабе божьей» с последующим трёхкратным же обходом аналая и целованием икон заняло ещё четверть часа. На этом мучительная для многих неверующих, собравшихся в этом зале, процедура закончилась, и родственники выстроились в очередь, чтобы поздравить новобрачных. Подошли и Громовы. Хмурый Кирюша вручил Зое цветы и предпринял попытку спрятаться за спиной отца. Зоя не дала ему этого сделать, присела и поцеловала в щёку:

– Спасибо, Кирилл, – очень серьёзно поблагодарила она.

Кирюша зарделся.

* * *

Саму свадьбу сыграли в ресторане с историческим названием «Варяг», снятом Лукашевичем на два дня. Долго ждать прибытия молодых, как это принято на других свадьбах, не пришлось. У Алексея в братской могиле на Пискаревке были похоронены дед и прадед, а потому ко всем этим поездкам счастливых пар к мемориальным комплексам он относился с плохо скрываемым отвращением. Единственное, что он сделал, – это оторвался от общей кавалькады машин, свернул с проспекта на боковую улицу и где-то проплутал, опоздав к застолью всего лишь на десять минут.

Свадьбу вёл подполковник Зураб Амонашвили, старый друг семьи Лукашевичей, – лучший тамада из всех, кого знал Громов. Кроме того, на эстраде ресторана наигрывала популярные мелодии некая безымянная группа. Этим консолидирующие ресурсы ограничивались, и желающие могли не обращать внимания ни на подполковника, ни на группу, развлекая себя самостоятельно. Громов и Стуколин сели друг напротив друга и после первых тостов и холодных закусок Константин, обслужив жену, расположившуюся справа, и сына, усевшегося слева, спросил товарища:

– Есть что-нибудь новенькое?

– Есть новенький анекдот, – отвечал Стуколин, наливая себе водки из запотевшего графина и не дожидаясь согласия Громова слушать, начал пересказ: – Встречаются два российских танковых генерала в оккупированном Париже. И один другого спрашивает: «Ты не помнишь, кто господство в воздухе завоевал – мы или НАТО?»

Кирюша рядом фыркнул и подавился «фантой».

– Старенький твой анекдот, – сказал Константин, не поведя бровью. – Мне его ещё полгода назад рассказывали. Да и спрашивал я о другом.

---

⁹ Аналой – высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы, книги, крест.

Стуколин посмотрел на всё ещё вздрагивающего от сдерживаемого смеха Кирюшу, потом повернул голову и посмотрел на насторожившуюся и явно прислушивающуюся к разговору Наташу.

– Старый капитан заскучал на берегу? – спросил Алексей не без намёка.

– Не то, чтобы заскучал, но снасти пересохла, – в тон ему ответил Громов.

Наташа положила вилку.

– Мальчики, – обратилась она к офицерам, – может быть, хотя бы на сегодня вы забудете о делах?

Если бы Наташа знала или хотя бы догадывалась, о каких «делах» собирается говорить её муж со своим старым другом и одногодкой Алексеем Стуколиным, она не только высказала бы своё негодование по поводу неурочности диалога, но и вообще увела бы Громова от греха подальше. Но она не догадывалась.

Константин поднял руки, сдаваясь:

– Молчим, – сказал он.

Впрочем, ему не дали бы продолжить диалог и по другой причине. Зураб Амонашвили, произносивший очередной тост – что-то там о ястребе и синице, – вдруг вспомнил о двух, присутствующих за праздничным столом сослуживцах жениха, удостоенных звания Героя России. Закончив тост и проследив, чтобы все, кто ещё был в состоянии его слушать, выпили, он обратился к гостям со следующим спичем:

– Франц Меринг в своей книге «Военное искусство» отмечает безусловную храбрость русских солдат и пытается понять одно загадочное русское слово: «наши». Русский солдат, пишет историк, считает большим бесчестьем и позором оставить наших, то есть своих товарищей и всё русское войско, в опасности, и способен на самые большие жертвы по отношению к ним. Он приводит пример, когда русская гвардейская пехота, находящаяся в резерве, чуть было не бросилась в атаку вопреки приказу. При этой бойцы кричали своим офицерам: «Наши там кровь проливают, а нас держат позади, стыдно!» В такой же ситуации прусская гвардия не проявила ни малейшего беспокойства, когда их войска истекали кровью. Русские сильны словом «наши». Я предлагаю поднять бокалы за русскую душу и русское чувство локтя. За наших!

Призыв выпить за «наших», тем более высказанный чистокровным грузином, не могли не поддержать.

– Ура! – закричал уже порядком захмелевший отец Зои.

– А теперь, – после естественной паузы сказал Амонашвили, – я хотел бы предоставить слово боевым товарищам нашего уважаемого жениха – подполковнику ВВС, Герою России, Константину Громову и капитану ВВС, Герою России, Алексею Стуколину.

За столом все притихли. Громов вопросительно посмотрел на жену. Та поняла без слов.

– Давай, – шепнула она. – Я сяду за руль.

Громов наполнил пустовавшую до этого рюмку, встал и, поразмыслив две секунды, сказал:

– Я вижу, что сегодня за этим прекрасным столом собрались представители самых разных поколений. Казалось бы, их мало что может объединять. Однако это не так – нас объединяет общее будущее. Мы с вами живём на излёте тысячелетия, и именно нам, а не каким-нибудь потомкам, предстоит войти в XXI век. И свадьба, на которую нас всех пригласили, есть не только акт соединения в браке двух любящих сердец, но и символ того, что будущее у нас всё-таки есть. Я хотел бы поднять этот бокал за то, чтобы у нас и у нашей страны всегда было будущее.

Публике тост понравился. Кто-то даже захлопал, хотя это было и не совсем уместно в данной ситуации. За Громовым выступил Стуколин. Он был как всегда краток, без лишних слов поздравив молодожёнов со свершившимся фактом бракосочетания.

Потом Амонашвили попросил Константина что-нибудь спеть под гитару. Громов, не слишком любивший выступать перед большой аудиторией, в этот раз отказаться не мог. Он вышел на эстраду и попросил у музыкантов гитару. Получив инструмент и быстро его подстроив, он сел к микрофону и перед тем, как начать, сказал:

– На свадьбах принято исполнять весёлые песни. Это понятно, бракосочетание – почти всегда счастливое событие, и никому не хочется омрачать его. Однако сегодня я собираюсь нарушить эту традицию, чтобы напомнить и нашим молодым, и всем присутствующим, сколь хрупок мир, в котором мы живём. Завтра всё может необратимым образом измениться, пойти кувырком. Помните об этом, держитесь друг друга и цените каждую минуту счастья, которые выделяет нам скупое на подарки время. Ну а теперь собственно песня...

Константин Громов тронул струны и тихим голосом запел:

Не кричи, глашатай, не труби сбора.
Погоди, недолго терпеть.
Нет, ещё не завтра, но уже скоро
Риму предстоит умереть.

Радуйся, торговец, закупай мыло,
Мыло скоро будет в цене.
Скоро будет всё иначе, чем было.
А меня убьют на войне.

Не зевай, историк, сочиняй книгу,
Наблюдай вращенье Земли.
Каждому столетью, году, дню, мигу,
Сколько надлежит, удели.

Ветер подымается, звезда меркнет,
Цезарь спит и стонет во сне.
Скоро станет ясно, кто кого свергнет.
А меня убьют на войне.

Смейся, Левконоя, разливай вина,
Знать, что будет, ты не вольна.
Но можешь мне поверить, по всему видно,
Что тебя не тронет война.

Знать, что будет завтра – много ль в том толка!
Думай о сегодняшнем дне.
Я ж, хотя и знаю, но скажу только,
Что меня убьют на войне...¹⁰

(Москва, декабрь 1999 года)

До штаб-квартиры «Белого орла» в доме на Семёновской набережной капитан ФСБ Владимир Фокин добрался на «леваче». У самого дома он высаживаться, разумеется, не стал, а

---

¹⁰ Стихи Михаила Щербакова.

попросил довезти его до станции метро «Электротехническая», где и вышел. Там он прогулялся вдоль ряда торговых палаток, съел «ход-дог», купил свежий номер «Московского комсомольца», быстро, на ходу, просмотрел газету, после чего выбросил её в мусорный бак. Потом Фокин зашёл в павильон станции, приобрёл за четыре рубля одноразовую проездную карточку, сунул её в щель турникета, спустился на эскалаторе вниз, сел на поезд в сторону Кольцевой линии, проехал четыре остановки, вылез на «Смоленской», перешёл платформу и вернулся назад. Всё это время капитан украдкой разглядывал окружающих его людей, запоминая их лица. При этом он перебирал в голове картотеку, в которой были собраны приметы всех, когда-либо виденных им людей. Знакомых пока не наблюдалось. Повторяющихся лиц тоже.

Сложный маршрут капитана основывался на следующем соображении, сформулированном Фокиным за годы службы в «наружном наблюдении». Координатор «наружки», если такая «ведёт» сейчас Фокина, может располагать довольно широкой сетью агентов – настолько широкой, чтобы менять «топтунов» на каждой станции метро из тех, которые проезжает объект наблюдения. Однако и его, координатора, возможности ограничены; в конце концов он – не Господь Бог, чтобы просчитать все возможные варианты, а значит, будет действовать по проверенной схеме, то есть снимать агентуру с менее напряжённых участков и переводить её на более напряжённые. И первым местом, откуда он уберёт всех, будет, конечно же, отправной пункт – станция метро «Электротехническая». Согласно теории разведки, вернуться в ту же точку, откуда начал движение, мог или полный идиот, или профессионал высочайшего класса. Владимир Фокин надеялся, что мифический координатор не считает его ни тем, ни другим.

Во второй раз за сегодня добравшись до «Электротехнической», Фокин сделал ещё один финт – сменил внешность. Ввинчиваясь в толпу у самого эскалатора, он сдёргнул приметное белое кашне, накинутое поверх пальто, на самом пальто расстегнул все пуговицы, из кармана вытащил глубокий полиэтиленовый пакет, в который спрятал кашне и кейс. Покончив с внешними атрибутами, он занялся лицом, а именно: сдвинул шляпу на затылок, одновременно подогнув её мягкие фетровые поля, и нацепил заранее припасённые очки в массивной оправе. В результате этой метаморфозы из станции метро «Электротехническая» вышел совершенно другой человек – расхристанный и слегка пьяненький интеллигент, который даже привлёк на мгновение внимание двух патрульных милиционеров, но поскольку по всем приметам выглядел этот интеллигент гражданином с московской пропиской и с достатком ниже среднего, патрульные подумали и решили не связываться.

Пошатываясь, Фокин добрёл до ближайшего пивного киоска, купил четыре бутылки «Балтики», три из них уложил в пакет поверх кейса, а одну попросил открыть.

В конце концов капитан пришёл к выводу, что «хвоста» за ним нет, и, прихлёбывая на ходу пиво, отправился на Семёновскую набережную.

Нужную парадную перекрывала массивная стальная дверь с домофоном. Однако у Фокина имелся свой ключ и через минуту, сбив у порога снег с ботинок, он уже входил в штаб-квартиру, как к себе домой.

В гостиной – самой большой комнате этой восьмикомнатной квартиры – царил полумрак: шторы были опущены, люстра погашена, горело только хрустальное бра в углу. Работал телевизор – видеостена фирмы «Филипс» с невероятно огромным экраном. Однако звук был выключен, и красotka в короткой юбочке, скачущая по эстраде, выглядела по меньшей мере нелепо. В глубоком кресле перед телевизором сидел человек, одетый по-домашнему в халат. Был этот человек немолод, но принадлежал к числу тех, кто до самой смерти смотрит лет на десять-пятнадцать моложе своего истинного возраста. Человек уютно посапывал, то ли действительно задремав, то ли прикидываясь задремавшим.

Фокин снял пальто и довольно бесцеремонно бросил его на свободное кресло. Туда же положил пакет с бутылками. Бутылки звякнули. Человек в кресле вздрогнул и поднял голову.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! – рявкнул Фокин.

– А это ты, Владимир, – генерал-майор улыбнулся. – Опаздываешь, – заметил он, взглянув на часы. – На четыре минуты.

– Никак нет, – отозвался Фокин. – Ваши спешат.

Генерал-майор изобразил неудовольствие – правда, несколько наигранно.

– Всё дерзишь? Ну-ну...

Фокин развёл руками, как бы говоря, что по-другому он не умеет. По-другому он действительно не умел. Именно поэтому и засиделся в лейтенантах аж до тридцати пяти лет в то время, как его коллеги-одногодки перескакивали с должности на должность, получая новые звания и назначения чаще, чем обычный человек меняет обувь. Однако дерзость в большинстве случаев соединяется с умением нестандартно мыслить и действовать. Советник по безопасности Маканин, земля ему пухом, прекрасно это понимал, и, несмотря на лейтенантское звание и молодость, Фокин был направлен на ответственный пост – он занимался координацией совместной деятельности силовых структур в Заполярье и обладал практически ничем не ограниченной властью.

Надо заметить, что власть его не испортила. Например, он не гнушался оперативной работой и самолично выезжал на места событий, всегда оказываясь на наиболее напряжённом участке. За это его тоже ценили.

– Кстати, поздравляю с внеочередным званием, – сказал генерал-майор.

– Служу России, – буркнул Фокин, потом не удержался и добавил: – Вы же знаете, Юрий Анатольевич, как я отношусь к званиям. Мне кажется, это лишнее. Внеочередное звание привлекает внимание. А зачем нам лишнее внимание?

– Не скажи, – возразил генерал-майор. – В данном конкретном случае как раз низкое звание привлекает внимание. Думаешь, легко было бы организовать твой перевод в Москву, оставайся ты в лейтенантах? Да и вообще, Владимир, неужели ты напрочь лишён честолюбия? Это же, наверное, чертовски приятно – из лейтенантов сразу в капитаны. И не за красивые глаза, а за отлично сделанную работу.

Фокин вздохнул и сел в кресло.

– Я честолюбив, – признался он. – Но для удовлетворения моего честолюбия вполне хватает понимания того, насколько важным делом я занимаюсь. И не более.

– Это похвально, Владимир, – оценил генерал-майор. – Вот только наше руководство очень не любит, когда человека не за что *зацепить*. Понимаешь, о чём я говорю? Ангелы никому не нужны. Да и не бывает в природе ангелов.

Фокин рассмеялся.

– Что, внутренняя служба безопасности забеспокоилась? – поинтересовался он. – «Не за что зацепить»? Передайте им, Юрий Анатольевич, пожалуйста, что я азартен. Люблю играть в карты на деньги. Неразборчив в связях. И готов изменить присяге, если это нужно для дела. Такой список недостатков устроит? Или маловато будет?

Генерал-майор покачал головой.

– Всё-таки молод ты ещё, Владимир.

– Ну, это единственный недостаток, который со временем исправим... Пива не хотите?

Фокин извлёк из пакета бутылку «Балтики» и легко, зубами, открыл её.

– Спасибо, – генерал-майор неодобрительно поджал губы, – но не испытываю потребности.

– А я выпью, – Фокин сделал большой глоток..

Капитан знал, что его собеседник выпить далеко не дурак, однако всему остальному предпочитает марочные вина. Поэтому предложение «хлебнуть пивка» было данью вежливости.

– Ладно, – сказал генерал-майор, – с твоими недостатками разберёмся в другой раз. Пора переходить к делу.

Он взял лежавший под рукой пульт дистанционного управления и направил его в сторону видеостены. Молчаливый клип сменился «снегом», затем зажглись индикаторы на панели встроенного видеомagneтофона, и на экране перед Фокиным предстал незнакомый ему, совершенно лысый человек, одетый весьма странно – в судейскую мантию, с огромным орденом в виде многолучевой звезды на груди. Позиция съёмки находилась несколько выше уровня глаз лысого человека, и камера была наклонена так, чтобы зритель мог видеть, что находится на столе, за которым человек сидит. На столе находился один-единственный предмет – хрустальный шар на золотой подставке в виде змеи, кусающей себя за хвост. По низу экрана побежали титры: «Анатолий Дугов, эзотерический псевдоним – Антей, магистр Московского ордена мартинистов, ДИРЕКТОР НИИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ, сотрудник СпецИАЛЬНОГО отдела при КГБ СССР с 1982 года».

– Интересно, – сказал Фокин.

– Смотри, – посоветовал генерал-майор. – Дальше ещё интересней.

Магистр и маг Анатолий Дугов тем временем положил длинные белые пальцы рук на хрустальный шар. Где-то на заднем плане включился магнитофон, и заиграла довольно необычная мелодия – с ритмом морского прибора, вызывающим тревожное чувство. Внутри шара зажёгся тусклый поначалу огонёк – словно спираль лампочки, горящей вполнакала. Подчиняясь ритму мелодии, он то вспыхивал чуть ярче, то снова угасал. Огонёк притягивал взгляд, завораживал, и Фокину пришлось сделать волевое усилие, чтобы не впасть в гипнотический транс.

Это продолжалось минут пять – огонёк внутри шара вспыхивал, магистр сидел неподвижно, – и капитан успел заскучать, едва не пропустив момент перехода. Глаза магистра вдруг закрылись, и сам он подался назад, не выпуская, впрочем, шар, который ярко засветился под его руками.

Фокин ухмыльнулся: все эти фокусы были для него не в диковинку. Спецотдел при КГБ СССР (формально ликвидированный после путча ГКЧП 1991 года, а на самом деле почти в полном составе перешедший под управление некоего Общества с неограниченной ответственностью «Икстлан») был вообще горазд на разного рода фокусы. Больше количество профессиональных шарлатанов, собранных в одном месте, трудно было представить.

Магистр Дугов быстро забормотал на незнакомом Фокину языке.

– Что он говорит? – капитан оглянулся на генерала-майора.

Вместо ответа генерал-майор кивнул на экран. По экрану снова побежали титры: «ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО СДЕЛАН ПОДОТДЕЛОМ АНТИЧНЫХ ЯЗЫКОВ СПЕЦОТДЕЛА ПРИ КГБ СССР. ТЕКСТ ПЕРЕВОДА: В МИР ПРИШЁЛ ВЛАСТЕЛИН И ВОИТЕЛЬ. ОН РОДИЛСЯ В СТРАНЕ, НАРОД КОТОРОЙ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ ЗАПАДНЫМ. ОН ОТСТАИВАЛ ПРАВА СВОЕГО НАРОДА ВОЕННОЙ МОЩЬЮ НА МОРЕ И НА СУШЕ. ЗАВИСТНИКИ УБИЛИ ЕГО В ГОРОДЕ, ПРОСЛАВЛЕННОМ ДИОНИСИЙСКИМИ ИГРАМИ И МЕНЯЛАМИ. НО НА САМОМ ДЕЛЕ ОН ЖИВ. ОН СТОИТ НА СНЕЖНОМ ПОЛЕ, НА ЕГО ЧРЕСЛАХ ФАРТУК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПЯТИДЕСЯТИ ЗВЁЗД, В ЕГО РУКАХ КОПЬЁ, КОТОРЫМ БЫЛ ПОВЕРЖЕН ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ БОГОВ. ДУХ ВЛАСТИТЕЛЯ НЕЗРИМО НАПРАВЛЯЕТ ЗАПАДНЫЙ НАРОД НА ПУТИ К ВЛАСТИ НАД МИРОМ».

Магистр Дугов замолчал. Было хорошо видно, как вымотал его этот монолог над хрустальным шаром. На лысине выступили бисеринки пота. Он тяжело дышал, хватая воздух ртом, словно задыхался. Генерал-майор нажал на кнопку «Пауза», и картинка на экране застыла.

– Это всё? – с сарказмом поинтересовался Фокин. – Ничего умнее Спецотдел предложить не может?

И снова генерал-майор не отреагировал на дерзость капитана.

– Ещё не всё, – сказал он. – Взгляни сюда, Владимир.

С этими словами генерал-майор протянул Фокину папку-скоросшиватель, на картонной обложке которой стоял гриф «Совершенно секретно» и имела место поясняющая надпись: «Выдержки из отчёта Специального отдела при КГБ СССР за 1989 год».

– Вы думаете, это стоит смотреть? – спросил капитан, неохотно отставляя бутылку с пивом.

– А ты посмотри.

Фокин раскрыл папку. Внутри обнаружилось шесть страниц текста, отпечатанных на стандартной пишущей машинке через два интервала. Пролистав их одну за другой и убедившись, что на каждой стоит соответствующий номер и подпись начальника Главного архива ФСБ, капитан углубился в чтение.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
Председателю КГБ СССР,
генералу армии В.А.Крючкову.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

последовательности астральных объектов, зарегистрированных в ходе свободного астрального поиска, проведённого согласно рабочему плану-графику отдела «Астрал» 22 ноября 1990 года.

Свободный поиск выполнял директор НИИ нематериальных взаимодействий А.В.Дугов.

Интерпретацию подготовил руководитель отдела «Астрал» НИИ нематериальных взаимодействий В.С.Моносов.

Во время свободного астрального поиска А.В.Дугов наблюдал следующие объекты: «Дух властелина-воителя», «Народ, называющий себя западным», «Город, прославленный Дионисийскими играми и менялами, где был убит властелин-воитель», «Снежное поле», «Фартук с изображением пятидесяти звёзд», «Копьё, которым был повержен величайший из богов».

Последовательность перечисленных объектов не является случайной. Они выстроены в ряд, определяемый датой астрального поиска – 22 ноября. Наиболее важным событием, произошедшим 22 ноября и значительно изменившим астральный план, считается убийство Джона Фицджеральда Кеннеди, 35 президента США. Именно его астральное тело можно интерпретировать как «Дух властелина-воителя».

Некоторые атрибуты, присущие «Властелину-воителю» и описывающие его прижизненную биографию, подтверждают эту версию.

«Народ, называющий себя западным» – это, вероятно, Соединённые Штаты Америки или страны-члены блока НАТО.

«Город, прославленный Дионисийскими играми и менялами» можно интерпретировать как Даллас (штат Техас) – город, где в 1963 году был убит президент Кеннеди. «Дионисийские игры» – древнегреческий прообраз современных драматических представлений. В США из драматических представлений наибольшей популярностью пользуются телевизионные сериалы для домохозяек, один из которых называется «Даллас». Кроме того, именно Даллас считается крупнейшим торгово-финансовым центром юга США, что определённым образом ассоциируется с «Менялами».

Следует также отметить, что именно администрация Джона Ф. Кеннеди и его преемника – 36 президента США Линдона Джонсона – положила начало политике «Новых рубежей», в рамках которой США заявили о своём праве вмешиваться во внутренние дела других государств и народов.

Гораздо большие затруднения вызывает интерпретация атрибутов, связанных с посмертным существованием «Властелина-воителя».

«Снежное поле», по всей видимости, описывает некую северную территорию – возможно, это Аляска. То есть местоположение «Духа властелина-воителя» указывает на существование у Генштаба армии США планов агрессии против СССР на дальневосточном направлении. Настоящее толкование представляется нам наиболее приближённым к действительности, однако возможны и другие варианты. Поэтому для полноценного анализа значения астрального объекта «Снежное поле» необходимы дополнительные данные.

Следующий посмертный атрибут – «Фартук с изображением пятидесяти звёзд» – указывает на принадлежность Джона Ф. Кеннеди к американскому масонству. Однако ни Научно-исследовательский институт нематериальных взаимодействий, ни Специальный отдел при КГБ СССР не располагают документально подтверждённой информацией о том, что президент Кеннеди являлся членом какой-либо организации эзотерического толка. Наоборот, именно президента Кеннеди многие источники называют чуть ли не единственным исключением в ряду президентов США, состоявших или состоящих действительными членами масонских лож. Следовательно, мы можем сделать заключение, что «Фартук с изображением пятидесяти звёзд» имеет отношение только к астральному телу Джона Ф. Кеннеди и символизирует эзотерическую подоплёку современной американской внешней политики.

Третий посмертный атрибут «Властелина-воителя» – «Копьё, которым был повержен величайший из богов» – связан с легендой о Копье Судьбы. Согласно поздней христианской традиции, этим копьём, принадлежавшим иудейскому храму в Иерусалиме, был заколот Иисус Христос. «Удар милосердия» нанёс центурион Гай Кассий Лонгин, впоследствии принявший христианство и почитаемый некоторыми церквями как святой. По утверждению ряда авторов, Копьё Судьбы аккумулирует в себе энергию Космоса и является одним из Предметов Силы. Армия, главнокомандующий которой вооружён Копьём Судьбы, непобедима. То, что «Дух властелина-воителя» вооружён астральным образом Копья Судьбы, весьма настораживает. Для того, чтобы понять, чем может угрожать присутствие Копья на астральном плане Советскому Союзу, необходимо обратиться к истории самого Предмета Силы.

Современная история Копья Судьбы полна «белых пятен». Известно, что последним правителем, претендовавшим на Копьё Судьбы в расчёте на его высшую энергетику, был Адольф Шикльгрубер (Гитлер). Именно Гитлер после осуществления аншлюса потребовал у правительства Австрии выдать Копьё, хранившееся до 1938 года в Зале сокровищ музея Хофбург (Вена). Его приказ был выполнен и, начиная с октября 1938 года по февраль 1943 года, Копьё Судьбы находилось в Нюрнберге, в зале состязаний мастерзингеров¹¹ Церкви

---

¹¹ Мастерзингеры – немецкие средневековые поэты-певцы из ремесленно-цеховой среды.

святой Екатерины. В феврале 1943 года по личному распоряжению Гитлера оно было помещено в тайник под школой на Паниер-плац (Нюрнберг), где 30 апреля 1945 года его обнаружили офицеры 7 американской армии. Однако некоторые источники называют «американское» Копьё Судьбы искусной подделкой (см., например, Доклады НИИ НМВ по теме «Влияние Предметов Силы на исход 2-й мировой войны»). Существует также несколько версий о местонахождении подлинного Копья Судьбы. Авторы одной из них указывают на озеро Целль вблизи Зальцбурга (Австрия). Другие – на территорию, которую нацисты называли Новой Швабией – довольно обширная часть Земли Королевы Мод (Антарктида), куда в период с 1938 по 1943 годы было отправлено несколько экспедиций под совместным руководством капитана цур зее Карла Ратшера и штандартенфюрера СС Отто Келера. В последнем случае предполагается, что на побережье Земли Королевы Мод была построена укрепленная военная база (источники называют ее Шангриллой), именно туда в самом конце войны на одной из подводных лодок (предположительно, это «Ю-977», капитан – Хайнц Шеффер) и были переправлены реликвии нацистов.

ВЫВОДЫ.

Интерпретация последовательности астральных объектов, замеченных А.В.Дуговым во время свободного астрального поиска, состоявшегося 22 ноября 1990 года, свидетельствует о ведущейся подготовке вооруженной агрессии США против СССР. Дату начала агрессии необходимо уточнить в ходе дальнейших астральных поисков.

ПОДПИСИ:

Анатолий Дугов, директор НИИ нематериальных взаимодействий.

Всеволод Моносов, руководитель отдела «Астрал» НИИ нематериальных взаимодействий».

Ознакомившись с интерпретацией, Фокин перешёл к оставшимся страницам. Как оказалось, к основному документу прилагалась расшифровка астрологической натальной карты, привязанной к моменту выхода Анатолия Дугова в астрал и сделанной, как утверждалось в приписке, неким Ю.П.Глобовым, заведующим астрологической лабораторией НИИ нематериальных взаимодействий. Встретив на первой же странице «расшифровки» такие маловразумительные понятия как «экваториальный ассендант», «феральность» и «лунация», капитан решил не вникать и захлопнул папку.

– Ну? – спросил генерал-майор. – Что ты теперь скажешь?

– На мой взгляд, полный звездёж, – высказал своё мнение Фокин. – И ВэВэ в это верит? Генерал-майор вздохнул и отобрал документы.

– ВэВэ в это, разумеется, не верит, – подчеркнул он. – Он у нас вообще из тех людей, которые верят только в то, что видели собственными глазами и трогали собственными руками. А эти... хм-м... «нематериальные взаимодействия», сам понимаешь, ни увидеть, ни потрогать. Однако *нас* всё это не касается. Того, что проблемой интересуются американцы, *нам* вполне достаточно, чтобы начать действовать.

Капитан Фокин изумился и даже не попытался своего невероятного изумления скрыть:

– А они интересуются?!

– Ещё как! ВМФ США готовит экспедицию. Авианосец плюс семь вспомогательных кораблей. Всё это хозяйство отправляется в Антарктиду через четыре недели. И знаешь, как

называется авианосец? – генерал-майор смерил капитана торжествующим взглядом, словно он, а не американцы, отправлял экспедицию. – «Джон Фицджеральд Кеннеди»!

– Мама моя, – только и сказал на это Фокин.

Глава вторая Конец отпуска

(Мульвийский мост, река Тибр, Римская империя, октябрь 312 года)

С утра августу Константину нездоровилось. Без видимой причины разболелась голова – так, что круги плыли перед глазами. Он прекрасно понимал, что не время сейчас болеть, да и что это за необъяснимые болезни в двадцать семь лет, когда мужчина только входит в свою лучшую и самую зрелую пору? Однако ничего поделать с этим он не мог. Вызвать эскулапа из обоза перед началом решающей битвы – значит, проиграть её ещё до того, как над Тибром просвистит первая стрела. По лагерю пойдут слухи, старшие офицеры, искушённые в политике, заподозрят сговор, и очень быстро смутные сомнения перерастут в каменную уверенность. Этого допустить было нельзя, и август Константин не стал обращаться к кому-либо за помощью, надеясь, что богиня Фортуна будет к нему благосклонна, и боль уймётся сама собой.

Он решил прогуляться на свежем воздухе – иногда это помогает. Выйдя из походного шатра, раскинутого в полумиле от берега, Константин остановился, озираясь. К нему подбежал один из комитов,¹² готовый выполнить любой приказ, но Константин жестом отослал его.

Огромный лагерь жил своей жизнью. Пахло дымом костров и конским навозом, свежей кровью и жареным мясом. Бряцало оружие, легионеры перекликались между собой, где-то ржали лошади, слышались беззлобные ругательства и беззаботный смех. Нигде не было заметно признаков уныния или других внушающих тревогу симптомов. Да и зачем простому легионеру впадать в уныние и тревожиться о будущем, если он сыт и выспался, меч его наточен, а все решения за него принимает командир? И только командир может рассказать – каково это думать за всех, решать за всех и отвечать потом за всех.

Август Константин был из тех командиров, которые осознают всю меру ответственности за подчинённых ему людей, и в случае своей ошибки готов был расплатиться за неё по самой высокой цене – собственной жизнью. Но одного понимания своей исключительности для подлинного вождя мало – необходимо ещё точное знание того, на что ты способен лично и на что способны твои люди. Ты, август Константин, оказался способен с войском из четырёхсот центурий (всего лишь шесть легионов!) пройти через всю Италию и трижды – под Сузой, Туринской и Миланом – разгромить превосходящие силы ставленников этого самозванца и болтуна Максенция. Потом была битва у Брешии и осада Вероны. И здесь, несмотря на то, что армию Вероны вёл один из лучших полководцев современности – Руриций Помпеян, ты, август Константин, снова победил. Фортуна неизменно улыбается тебе, но может ли это продолжаться до бесконечности? Особенно, когда в пяти милях южнее расположилось войско числом в двенадцать легионов хорошо обученных, откормленных и преданных Максенцию преторианцев.¹³

Головная боль от этих невесёлых мыслей только усилилась, и Константин поспешно пошёл прочь от своего шатра, двигаясь без особой цели – куда глаза глядят. Претор¹⁴ сделал знак своим людям, и двое телохранителей последовали за Константином, выдерживая почтительное расстояние в десять шагов.

---

¹² Комит – офицер-адъютант римского военачальника (императора); обычно – доброволец из молодых аристократов.

¹³ Преторианцы – в Древнем Риме первоначально охрана полководцев, затем императорская гвардия; участвовали в дворцовых переворотах.

¹⁴ Претор – офицер личной охраны императора и его ставки.

«Что ж, – думал август Константин, выходя за пределы лагерного форума, – даже если мне сегодня или завтра суждено погибнуть, я могу умирать в уверенности: я сделал всё, что мог, чтобы вернуть в Империю мир и порядок. И Рим ещё долго будет вспоминать меня и моих легионеров».

Выйдя на «главную улицу»¹⁵ лагеря, Константин колебался и направился к «северным воротам». Встречные легионеры приветствовали его радостными возгласами, и он кивал им с достоинством подлинного цезаря.

Почти у самых «ворот» август повстречал небольшой отряд готов. Эти простые, грубоватые и бесхитростные люди, родом с севера, оказались прекрасными солдатами. Именно они, встав плечом к плечу с галлами, остановили Руриция, когда он шёл к Вероне с подкреплением, и не позволили снять осаду. Львиная доля всех побед принадлежит им. Константин когда-то опасался, что готы, по происхождению и по образу жизни считающиеся варварами, не научатся блюсти воинскую дисциплину, после первого же успеха разбегутся по захваченной территории, грабя, насилая, убивая, и был приятно удивлён, когда наёмники не проявили ни малейшей охоты к мародёрству.

«О, мои верные готы!» – подумал август, с приливом несвойственной ему нежности разглядывая приближающийся отряд.

Что-то задело его, какое-то несоответствие, и он присмотрелся к отряду повнимательнее. Да, глаза его не обманули: среди пёстрых кафтанов, которые в армии Константина носили только готы, выделялась длинная белая туника, поверх которой была надета зелёная пенула без капюшона, расшитая красными крестами, – с отрядом шёл христианский священник. Точнее, не шёл, а его вели. Причём, довольно грубо – подталкивая древком копья в спину.

Завидев Константина, отряд готов остановился.

– Да здравствует август! – рявкнул старший из них, и остальные подтянули животы, хотя и остались стоять кучей, словно малообразованные новобранцы.

– Кто это такой? – спросил Константин, указывая на священника. – Как он оказался среди вас?

С трудом подбирая латинские слова, старший из готов доложил, что его отряд совершал вылазку в направлении лагеря «пса Максенция», и этот «италик» сдался им в плен, чтобы «побеседовать с августом».

«Италик» в облачении христианского священника держался гордо. Несмотря на свежую ссадину на смуглом лице и разорванный рукав – готы его помяли по своей привычке, – «италик» выглядел бодрым и уверенным в себе.

«Лазутчик? – подумал о нём Константин. – Но почему тогда он оделся столь заметно? А может быть, это посол Максенция? Максенций считает, что я не трону христианина, ведь христиане отказываются принимать участие в войнах, по какой бы причине они не велись? Но что может предложить мне посол Максенция? На мирное соглашение я не пойду, и он это знает. Или он решил сдаться и открыть мне ворота Рима? Имея под своим началом двенадцать свежих легионов и хорошо укреплённую позицию? Невозможно поверить! Тем более, он догадывается, что я сделаю с ним и с его семьёй, когда войду в Рим...»

Так и не сумев подыскать версию, которая разумно объясняла бы появление в походном лагере христианского священника, но тем раззадорив собственное любопытство, Константин подошёл к «италику» и спросил:

– Кто ты? Откуда? И о чём ты хотел со мной поговорить?

Один из готов вытолкнул священника вперёд. Тот оправил полы пенулы и произнёс:

– Приветствую вас, великий август! Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

---

¹⁵ Римский походный лагерь строился по образцу самого Рима, поэтому основные проходы в нём назывались «улицами», а центральная часть – «форумом».

– Для этого есть основания?

– Да. То, что я сообщу, очень важно не только для меня, но и для вас.

– Пока я в этом не уверен.

Священник смотрел прямо и выглядел искренним. О чём же он хочет говорить? Любопытство Константина возрастало, но на то он и август, чтобы уметь не проявлять своих истинных чувств ни при каких обстоятельствах.

– Христиане Италии знают, – сказал священник, – что вы, великий август, терпимо относитесь к любой форме вероисповедания, не делая ни для кого исключения. В отличие от августа Максенция...

Что-то начинало проясняться, и Константин с удивлением покачал головой.

– Идите! – приказал он готам. – Вы хорошо справились со своим делом. Передайте казначею, что я велел вознаградить вас.

Готы радостно зашумели, и их словно ветром сдуло. Телохранители остались на месте, но за пределами слышимости.

– Говори, – обратился Константин к священнику.

– Христиане также знают, – продолжил священник, – в каком трудном положении вы находитесь. Август Максенций собрал все свои силы против вас. Преимущество на его стороне. Но это мнимое преимущество.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что христиане Рима ждут вас. И готовы выступить на вашей стороне.

– Вы готовы взять в руки оружие и драться за меня?! – Константин был сильно удивлён.

– Да, – кротко отвечал священник.

– Но ведь до сих пор вы отказывались нести военную службу!

– Не думайте, что нам легко далось это решение. На Соборе мы долго обсуждали его. Были и сомневающиеся, были и противники. Но решение принято, и мы будем сражаться за вас.

– А как же одна из ваших заповедей – «Не убий»? – поинтересовался Константин.

– Вы осведомлены о наших заповедях? – впервые за время беседы священник растерялся.

– Да, осведомлён. Ведь моя мать, Елена, – христианка.

– Тогда вы должны знать, что мы, христиане, верим в божественное предначертание. Если человек, идущий за Христом, должен кого-то убить, значит, это делается во имя Божье и по воле Его, и этот грех будет прощён, когда наступит Царствие небесное.

– Мне это непонятно, – заявил Константин. – Я привык думать, что если человек идёт на войну, он должен забыть любые заповеди.

Священник молчал. Не выдержав испытующего взгляда Константина, он опустил глаза.

«А ты, пожалуй, из сомневающих, – подумал август, – что, впрочем, не мешает тебе выполнять волю Собора».

– Но в конце концов это ваше дело, – сказал Константин вслух. – Не мне, а вам отвечать перед лицом своего бога. Сколько солдат христиане могут выставить против Максенция?

– Триста сотен. Со своим оружием.

Константин не поверил своим ушам, но переспрашивать не стал. Мысли его понеслись вскачь, обгоняя друг друга, и он даже не заметил, как разом, словно её никогда не было, исчезла головная боль.

«Пять легионов! Это же пять легионов! Целая армия!»

Однако в душу августа тут же закралось подозрение, что подпортило триумф от предощущения скорой победы.

– Как я могу верить твоим словам? – спросил Константин. – А если ты подослан Максенцием?

– Подсылать меня у августиана Максенция нет причин, – возразил священник, он снова смотрел в глаза. – Максенций абсолютно уверен в победе. К тому же ни один настоящий христианин не согласился бы помогать ему, ведь он – наш рьяный гонитель.

– Откуда мне знать, настоящий ты христианин или только называешь себя таковым?

Лицо священника омрачилось, он воспринял слова августиана как отказ, однако Константин поднял руку, показывая, что не закончил:

– Но я готов поверить твоим словам. Тем более, что у меня всегда будет возможность отомстить за предательство, а отомщу я жестоко. Сейчас меня беспокоит другое: я не знаю, что за солдаты получатся из христиан. Не побегут ли они в самый ответственный момент сражения? Не сдадутся ли?

– Мы предвидели ваш вопрос, – отозвался священник.

Он покопался в складках своей причудливой одежды и извлек некий тёмный предмет, в котором августиан без труда опознал наконечник копья.

– Это одна из самых ценных реликвий христиан, – сообщил священник, подавая наконечник Константину. – Это копьё велел выковать первосвященник Финеес. Иисус Навин держал это копьё в своей руке во время осады Иерихона. Ирод Великий был хозяином этого копья, когда отдавал приказ об истреблении иудейских младенцев. Этим копьём был пронзён бок Сына Божьего Иисуса Христа, когда он висел на кресте. И ещё оно приносит удачу в сражении. С ним победишь!

Август Константин принял копьё с осторожностью, почти с благоговением. Он верил в силу талисманов и понимал, какую жертву приносят христиане, отдавая в его руки наиглавнейшую из своих святынь.

– Что мне нужно сделать? – спросил он у священника.

– Необходимо подготовить древко и покрасить его в красный цвет, – объяснял священник. – Нести его следует впереди войска. Все христиане, которые выступят на вашей стороне, будут знать, какая реликвия ведёт их в бой. Они будут счастливы умереть во имя богоугодного дела.

– Мне не нужно, чтобы они умирали, – проворчал Константин. – Мне нужно, чтобы они побеждали.

Он снова взглянул на священника:

– Что вы хотите получить за это? Ведь тебя послали ко мне с каким-то умыслом?

– Мы – смиренные рабы божьи, – сложив руки у груди, священник наклонил голову. – Мы не требуем себе привилегий и особых почестей. Мы лишь просим, чтобы Рим позволил нам свободно исповедовать свою веру.

– Почему бы и нет? – Константин мысленно засмеялся: он и так собирался разрешить христианство – об этом давно просила его мать. – Если мы победим, я сделаю это.

– Когда-нибудь вас назовут величайшим из цезарей, – пообещал священник.

– Да будет так, – согласился август Константин.

На следующее утро его новые легионы вступили в бой. Копьё с кроваво-красным древком по приказу августиана несли во главе наступающих колонн. Армия Максенция была разгромлена. Сам Максенций позорно бежал с поля битвы, но утонул, пытаясь переправиться на противоположный берег Тибра. Римляне приветствовали Константина как освободителя.

Через год, будучи в Милане, император Константин издал эдикт, разрешающий свободное исповедание христианства на всей территории Империи наряду со старыми языческими культами. Ещё через год Церковный Собор, состоявшийся в городе Арелате, постановил, что христиане не должны более отказываться от несения военной службы в римской армии...

(Николаев, Украина, январь 2000 года)

Проект 11435 – несчастливый проект. Его доводка пришлась на период «демократических реформ», что фактически поставило крест на надеждах России иметь когда-нибудь современный авианосный флот.

В 1985 году на воду был спущен только один корабль этого проекта – тяжёлый авианесущий крейсер «Леонид Брежнев». Тогда же – буквально через двадцать минут после спуска – на стапельном комплексе Черноморского судостроительного завода был заложен второй корабль серии – под названием «Рига». До первых ходовых испытаний было ещё долго, но уже в 1986 году «Леонида Брежнева» переименовали в «Тбилиси». Те, кто верит в морские приметы, только покачивали головами: не к добру все эти переименования, ох не к добру.

Однако работы продолжались, и 1 ноября 1989 года на полётную палубу авианесущего крейсера «Тбилиси» впервые в истории отечественной авиации и военно-морских сил совершили посадку корабельные истребители «Су-27К» и «МиГ-29К» (самые современные по тому времени модификации этих известных самолётов). ОКБ имени Сухого представлял лётчик-испытатель Виктор Пугачёв, ОКБ имени Микояна – лётчик-испытатель Токтар Аубакиров. К тому времени уже был спущен на воду второй крейсер «Рига» (проект 11436), заложен атомный авианосец «Ульяновск», и у судостроителей были все основания ликовать и пить шампанское. Но радость их была преждевременной.

В конце 1991 года ТАКР¹⁶ «Тбилиси», получивший очередное имя – «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», вышел в свой первый большой поход, обогнул Европу и пришвартовался в Североморске. Достройка «Риги» (тоже получившей новое название – «Варяг») продолжалась вплоть до ноября 1991 года.

Путч и последовавший за ним развал СССР серьёзно ударили по программе строительства дорогих авианосцев. То, что мог себе позволить Советский Союз, не могли, да и не хотели себе позволить «самостийная Украина» и «демократическая Россия». Строительство «Варяга» (при его готовности на 70 %) было немедленно остановлено, а по прошествии ещё года никто уже не помышлял о том, что оно когда-нибудь возобновится.

«Адмирал Кузнецов» тоже переживал не лучшие времена. Совершив на очередной и кратковременной волне патриотических настроений («Россия – это морская держава, понимаешь!») свой второй поход (на этот раз – в Средиземное море, где миротворствовал Шестой флот США) и вернувшись назад, авианосец снова был надолго забыт. Лишь изредка средства массовой информации (в основном – оппозиционные) выдавали короткие сообщения о бедственном положении «Кузнецова» и его команды, недостатке финансирования и задержке мизерных зарплат.

О «Варяге» писали гораздо больше. Неоднократно поднимался вопрос о его достройке, но платить за это никто не хотел, и в результате тяжёлый авианесущий крейсер был продан за двадцать миллионов долларов британской фирме «Адженсия туристика деверсус чонлот лимитед», зарегистрированной в португальской колонии Макао, что в Китае. Сделка выглядела более чем подозрительно, и хотя покупатели неоднократно заявляли, что собираются сделать из авианосца модный игорный дом, в печати муссировалась версия, будто хитрые китайцы приобрели «Варяг» для того, чтобы довести его до ума, снарядить истребителями «Су-33»¹⁷ и заявить наконец о своих правах на Тихий океан.

---

¹⁶ ТАКР – тяжёлый авианесущий крейсер, общепринятая аббревиатура.

¹⁷ «Су-33» – российский многоцелевой палубный истребитель; разработан специально под проект 11435. Впервые «Су-33» был продемонстрирован широкой публике 18 августа 1991 года.

Несмотря на несчастливую судьбу, тяжёлые авианесущие крейсеры «Адмирал Кузнецов» и «Варяг» остаются уникальными по устройству и внешнему виду.

Когда-то вокруг базовых элементов их конструкции было сломано немало копий. Отказ от паровых катапульти – стандартного и общепринятого в мире средства для разгона самолётов – был поначалу принят в штыки. В самом деле, эскизный проект авианосца с взлётно-посадочной палубой, заканчивающейся наשלёпкой универсального трамплина, смущал непривычный к подобным изыскам глаз. Противники проекта твердили, что замена катапульти трамплином приведёт к неоправданно большому увеличению линейных размеров крейсера, соответственно – к росту его себестоимости и снижению экономичности. Сторонники трамплина, наоборот, показывали, что катапульти, разработанные Пролетарским заводом катапульти, плохо вписываются в конструкцию всего корабля в целом; что без серьёзных изменений в схеме расположения систем вооружений удаётся пристроить только одну катапульти, которая таким образом становится самой лакомой целью для противника, а значит, и наиболее уязвимой частью корабля.

Затянувшийся спор разрешил Центральный научно-исследовательский институт военного кораблестроения, предложивший свой вариант авианесущего крейсера с укороченной полётной палубой и катапульти. Да, водоизмещение этого нового корабля было заметно меньше (55 тысяч тонн против 65 тысяч тонн проекта 11435), однако выполненная военно-экономическая оценка показала, что его боевая эффективность будет ниже на 30 %. Более вопрос о катапультах не поднимался.

Помимо общих характеристик особое внимание вызывал и комплект вооружений, которым в перспективе должны были быть снабжены оба авианесущих крейсера. Помимо авиагруппы, состоящей из пятидесяти истребителей «Су-27К» (после принятия на вооружение – «Су-33») и многоцелевых корабельных вертолёт «Ка-27», на ТАКР планировалось установить двенадцать противокорабельных крылатых ракет большой дальности (комплекс «Гранит»). Оборона от воздушного нападения обеспечивалась четырьмя зенитными ракетными комплексами «Кинжал», четырьмя комплексами ближнего рубежа «Кортик» и шестью 30-миллиметровыми артустановками АК-630. Для защиты от вражеских субмарин были предусмотрены два противолодочных комплекса «Удав-1». Всё вместе это могло произвести и производило достаточно сильное впечатление даже на искушённых военных моряков, и всё это волею недальновидных политиков должно было превратиться в ржавеющий у пирсов хлам. Если бы не одно «но»...

На «Адмирале Кузнецове» провели плановый ремонт, и крейсер принял участие в масштабных учениях Северного флота. «Варяг» готовили к переходу в Макао, и, по заявлениям официальных источников, на нём было демонтировано всё оборудование военного назначения. Однако знающие люди, работавшие по специальному контракту с новым хозяином крейсера, могли бы рассказать, что на самом деле никакого демонтажа не проводилось – наоборот, поэтапно пополнялся боекомплект, отрабатывались тесты и учебные атаки, заменялись выработавшие ресурс или пришедшие в негодность блоки и целые узлы. На корпусе и внутри него, на полётной палубе и на «острове»¹⁸ можно было увидеть копошащихся рабочих, управляемых деятельными инженерами и военно-морскими офицерами непонятной государственной принадлежности. И эти работы меньше всего напоминали процесс переделки корабля в плавучее казино.

Например, хорошо известен главный конструкционный недостаток проекта 11435. Это трубки теплообменников ходовых котлов. Ни украинские, ни российские технологии не обеспечивали достаточную надёжность трубок, и те постоянно протекали, грозя вывести котлы из строя. В феврале 1996 года протечки в трубках едва не привели к национальному позору.

¹⁸ «Островом» в морской практике принято называть палубную надстройку авианосца, где размещаются рубка, капитанский мостик, посты управления кораблём, авиагруппой и пост связи.

«Адмирала Кузнецова» сильным течением потащило на скалы Мальты, а все котлы были остановлены из-за протечек в теплообменнике. Только отчаянная работа матросов из БЧ-5,¹⁹ сумевших за считанные часы запустить один из восьми котлов, спасла авианосец.

Новые владельцы «Варяга» учли печальный опыт эксплуатации ходовой части предшественника и модернизировали котлы. Трубки же для них специально заказали в Британии. Подрядчик гарантировал, что, благодаря этой доработке, «Варяг» станет первым тяжелым крейсером России, который сумеет развить ту скорость, которая записана в проекте.

Не остались без внимания и многие другие «мелочи», до сих пор осложняющие жизнь моряков, проходящих срочную службу на «Адмирале Кузнецове». Взять, скажем, проблему отопления жилых помещений. Профаны не знают (им не положено), но на «Адмирале Кузнецове» эта проблема выросла до невообразимых размеров, потому что отопления нет. Никто почему-то не подумал установить вспомогательный котел для этих нужд, и пар принято брать из главной энергетической установки, что накладно и не всегда возможно. Причём, электронагреватели запрещены, поскольку «сажают» сеть, и в борьбе за тепло команда авианосца уподобляется толпе студентов из общаги, которые прячут электрообогреватели от злого коменданта и изыскивают всевозможные способы нелегального и скрытного подключения к сети. В итоге страдают все: от матроса до контр-адмирала. Везде торчат провода, происходят замыкания, напряжение всегда ниже штатного. Перебои с отоплением на морозе вызвали другую напасть: полопались трубы системы водоснабжения, из-за чего в половине кают нет воды, офицерские душевые давно закрыты, а в галюнах забит слив. Как можно жить и выполнять боевую задачу в таких условиях? Никак невозможно. Подумали новые владельцы «Варяга», подумали и изыскали место для вспомогательного котла, одним махом разрубив целый клубок будущих проблем.

Тут уж и профанам становится ясно, что недостроенный корабль готовят для чего-то большего, нежели превращение в экзотический увеселительный центр...

С начала 1999 года на «Варяг» начали набирать новую команду. Предпочтение отдавалось тем, кто отслужил более пяти лет в ВМС Советского Союза. Таковых оказалось предостаточно – Украина и Россия были не в состоянии содержать черноморцев, и тех увольняли в запас пачками. Всем, кто подписал контракт с «Адженсия туристика деверсус чонлот лимитед», была тут же выдана новенькая с иголочки форма и назначено довольствие размером двести долларов в месяц. Для обнищавших за последние годы морских офицеров это были огромные деньги, и кое-кто из них, позабыв на радостях о двадцать шестом пункте контракта, в котором чёрным по белому и на чистейшем русском языке было записано, что «в случае вольного или невольного разглашения условий настоящего Договора лицо, именуемое Работником, будет немедленно уволено», оповестили о подвалившем счастье друзей и знакомых. И, разумеется, тут же были уволены. Осведомлённость и оперативность нанимателей, строго следящих за соблюдением всех пунктов контракта, произвела впечатление – оставшиеся на крейсере с тех пор предпочитали держать язык за зубами.

К лету работами на «Варяге» заинтересовалась украинская контрразведка. В местное управление Службы Безопасности пришла соответствующая директива, в которой контрразведчикам Николаева предписывалось как можно скорее разобраться с ситуацией, складывающейся вокруг злополучного крейсера. Ответ был получен только через месяц, и это была явная отписка. Тогда из Киева делегировали полномочных представителей – шестерых, известных своей бескомпромиссностью и националистическими воззрениями. Эти вернулись через две недели – молчаливые и словно чем-то озабоченные. Выводы, сделанные ими в ходе командировки и изложенные в пухлом отчёте, можно было бы свести к сакраментальной фразе: «В Багдаде всё спокойно». Что именно предложила им «Адженсия туристика» в обмен на фальси-

¹⁹ БЧ-5 – электромеханическая боевая часть.

фикацию результатов расследования, так и осталось загадкой. Известно только, что в течение года после этой поездки все шестеро уволились из органов. Трое затем ушли в коммерцию и возглавили некие канадско-украинские предприятия, один вдруг оказался по происхождению немцем и уехал на ПМЖ в Германию, оставшиеся двое сделали карьеру в «Уна-Унсо» и сели в Верховной Раде народно избранными депутатами.

Высшее руководство УСБ в Киеве тоже почему-то утратило интерес к «Варягу» и ведущимся на нём работам, вроде бы полностью удовлетворившись предоставленным отчётом.

* * *

В сентябре на главный трап «Варяга» ступил капитан. Был это вице-адмирал Тихоокеанского флота в отставке Георгий Семёнович Долгопрудный – заслуженный моряк, до 1996 года ходивший командиром тяжелого авианесущего крейсера «Новороссийск».

В своё время он запомнился постоянным читателям газеты «Дальний Восток» под прозвищем «Плачущий адмирал». Дело было так. Когда в 1995 году зашла речь о продаже Южной Кореи на металлолом двух тяжёлых авианосцев «Минск» и «Новороссийск», тихоокеанские военные моряки возмутились, в них разыграл патриотизм, и дело, вполне возможно, закончилось бы бунтом, но тут командующий флотом адмирал Игорь Хмельнов выступил с заявлением, в котором дал обещание вырученные от продажи авианосцев деньги направить в жилищный фонд и выдать каждому флотскому офицеру по новенькой квартире. И моряки, измученные «квартирной проблемой», поверили ему. Как оказалось, патриотизм отступает на второй план, когда речь заходит о личной выгоде. Всяческие волнения почти сразу сошли на нет.

Не поверил и не сдался только вице-адмирал Долгопрудный. Когда делегация представителей покупателя явилась осмотреть крейсер, он встречал её на сходнях, одетый в белую парадную форму с полным комплектом орденов и медалей на груди и с кортиком над левым бедром. Впереди шёл мордоворот-охранник (из новых и наглых, называющих себя на иностранный манер: «секьюрити») и вид грозного вице-адмирала не произвёл на него ровно никакого впечатления.

– Подвинься, дед, – грубовато потребовал охранник.

«Дедом» моряки называют старшего механика корабля или судна, и ничего в этом прозвище нет оскорбительного или унижающего личное достоинство. Однако назвать так вице-адмирала и командира тяжёлого крейсера рискнёт не всякий. Кровь прихлынула к лицу Георгия Семёновича, и он вцепился в поручни, окончательно перегорев проход.

– Ты, щенок, как ты разговариваешь с адмиралом?!

Охранник остановился, окинул Долгопрудного презрительным взглядом с ног до головы и сказал:

– Права качаем, дед? – он выпятил челюсть, видимо, полагая, что при этом у него становится особо зверский вид. – Сам уйдёшь с дороги или тебе помочь?

– Молчать! – рявкнул на охранника Долгопрудный.

– А в чём собственно дело, Георгий Семёнович? – очень спокойно поинтересовался хорошо одетый молодой человек, который возник из-за широкого плеча «секьюрити» и в котором вице-адмирал без труда опознал одного из местных вице-губернаторов. – Вы же ознакомлены с приказом главнокомандующего...

– Иди ты на хуй, гнида! – Долгопрудный в критических ситуациях не выбирал выражений.

Охранник не стал дожидаться дальнейшего развития конфликта. Он пошёл вперёд, словно айсберг, и вице-адмирал сам не понял, как очутился на палубе. Сильно болели голова и левое плечо, которым Долгопрудный, падая, ударился.

– Ну зачем же так, Витя? – мягко упрекнул охранника вице-губернатор. – Это же всё-таки адмирал. Вам помочь, Георгий Семёнович? – участливо обратился он к лежащему на спине Долгопрудному.

Впрочем, он и не собирался помогать вице-адмиралу. Когда Георгий Семёнович смог открыть глаза и приподняться, делегация уже удалялась к «острову», и только один из корейцев оглядывался, удивлённо таращась, – он явно не понимал, что происходит. Из команды крейсера к Георгию Семёновичу никто не подошёл. Поддержки от этих «продажных шкур» ждать не приходилось.

Помогая себе руками, вице-адмирал встал на ноги, присел на кнехт и заплакал. Именно в этой позиции его и застал фотокорреспондент «Дальнего Востока», приехавший вместе с делегацией и задержавшийся на причале, снимая панораму бухты и ржавеющие военные корабли. Дважды клацнул затвор «Зенита». Вид плачущего вице-адмирала показался корреспонденту «забавным» – такое нестыдно поставить на первую полосу. Долгопрудный не стал заслоняться рукой или отнимать фотоаппарат – это было бы ниже достоинства вице-адмирала.

Через месяц командующий флотом утвердил рапорт Георгия Семёновича с просьбой о досрочной отставке. В свете произошедшего на сходнях инцидента и скандальной публикации «Плачущий адмирал» в одной из самых читаемых газет Владивостока подобное решение главкома не вызвало ни удивления, ни нареканий. А через год и сам командующий флотом Хмельнов был вынужден уйти в отставку в связи с расследованием его махинаций с недвижимостью. Квартир доверчивые моряки так и не получили, а деньги, перечисленные за «Минск» и «Новороссийск», затерялись где-то на полпути из одного коммерческого банка в другой.

Георгий Семёнович по поводу своего ухода из флота сильно не переживал, и больше его никто плачущим не видел. Наоборот, все знакомые и друзья вице-адмирала отмечали, что он посвежел, помолодел и «выглядит на все сто». Близких родственников у него не было (сын, пошедший по стопам отца и сделавший неплохую карьеру, внезапно и страшно погиб в 85-ом: жена, узнав о его смерти, слегла и больше не вставала, истаяв за какой-то год), и о причинах столь разительной перемены никто ничего не мог сказать. Однако таковые причины всё же имелись: взамен «Новороссийска» Долгопрудному предложили другой корабль – и такой, о каком он даже во сне не мог мечтать. Поэтому, когда пришло ему время показаться на новом корабле, вице-адмирал Долгопрудный без малейшего сожаления оставил свою трёхкомнатную квартирку во Владивостоке, переписав её на старого флотского товарища, бедствующего в коммуналке на окраине. Взял только самые необходимые вещи, включая семейный альбом, выходную форму, кольцо жены, ордена свои и сына. Вице-адмирал не собирался возвращаться. Он решил связать оставшиеся ему дни с крейсером «Варяг» и готов был при необходимости погибнуть вместе с ним.

К его появлению старшие офицеры крейсера подготовили торжественную встречу. На полётной палубе были построены полторы тысячи человек команды. Над кораблём были подняты андреевский флаг и брейд-вымпел командира соединения. (На самом деле это было нарушением всех правил: «Варяг» ещё не вступил в строй и не мог считаться флагманом, да и сам общепринятый порядок подъёма военно-морских флагов выглядит несколько иначе – однако чего не сделаешь для нового начальника?). Ко всему этому были приготовлены торт-гигант и хороший коньяк. Однако все эти усилия оказались напрасны. Вице-адмирал воспринял построение как должное, выслушал рапорт, кратко поприветствовал моряков и, приказав немедленно доставить ему личные дела экипажа, удалился в командирскую каюту, находящуюся на втором ярусе надстройки. Офицеры, настроившиеся на продолжительное и весёлое застолье, были немало разочарованы. Посоветовавшись, они отправили к некомпанейскому вице-адмиралу посла – капитана первого ранга Мстислава Губанова, командира боевого информационного поста, ко всему прочему исполняющего обязанности помощника по воспитательной работе. Губанов взял бутылку «Хеннеси», затесавшуюся в ряду коньяков попроще и поотече-

ственное, упаковку ветчины, банку мидий и, мысленно перекрестившись, пошёл к командиру. Выяснилось, что адмирал уже очень неплохо устроился, развесил в каюте портреты жены и сына и теперь вытирал невидимую пыль с предметов обстановки (Губанов точно знал, что пыль «невидимая» – только вчера он лично посылал матросов вылизать каюту капитана до блеска, а потом приходил проверять с зажатым в кулаке белоснежным платочком).

– Ага, – сказал Долгопрудный, – это вы... э-э-э... товарищ Губанов, – (Мстислав очень удивился: он и вообразить не мог, что престарелый вице-адмирал запомнит его фамилию сразу по ходу церемонии представления офицерского состава крейсера новому командиру). – Рад вас видеть. Вы принесли личные дела?

– Никак нет, товарищ вице-адмирал, – Губанов почувствовал смущение, но отступить уже не мог. – Старшие офицеры хотели бы встретиться с вами...

– По какому вопросу? – Георгий Семёнович отложил тряпицу, которой как раз протирал настенный барометр в корпусе из красного дерева.

Губанов подошёл к столу и выставил бутылку «Хеннесси».

– Это презент от команды. Лично вам, товарищ вице-адмирал. Здесь ещё деликатесы, – он зашуршал пакетом. – А через некоторое время мы ждём вас в кают-компании для старшего офицерского состава.

Георгий Семёнович внимательно посмотрел на Мстислава:

– Вам не кажется, товарищ капитан первого ранга, что вы нарушаете субординацию?

Губанову очень не понравилось, что вице-адмирал назвал его не по фамилии, как перед этим, а гораздо более официально.

– Я просил вас принести мне личные дела всех, кто устроился на крейсер с момента перехода его под юрисдикцию Макао, – напомнил Долгопрудный. – А *что* вы мне принесли? Как вы собираетесь служить под моим началом, если не в состоянии выполнить элементарный приказ?

Губанов похолодел. Он уже привык к тёплому местечку на «Варяге», к денежному довольствию, о котором многие его сослуживцы по Черноморскому флоту не могли даже мечтать, а теперь, после слов вице-адмирала (и упрёка, прозвучавшего в этих словах), он понял, насколько неустойчиво то положение, которое он, капитан первого ранга и помощник командира по воспитательной работе, в этой жизни занимает и как легко будет рассерженному вице-адмиралу лишить его и тёплого места, и денежного довольствия. Губанов проклял тот момент, когда согласился пойти к Долгопрудному с «презентом от команды» и тех, кто его на это уговорил. В конце концов, почему именно он должен за всех отдуваться? Что он – крайний?!

Но вице-адмирал вдруг сменил гнев на милость:

– Впрочем, я понимаю, почему вы поступили так, как поступили. Скорее всего, находясь на вашем месте, я сделал бы то же самое. Я уважаю военно-морское офицерское братство и все традиции. Но вы очень торопитесь, ребятушки. Нет ещё корабля. Нет ещё братства. Более того, я пока не знаком ни с кем из вас, но постараюсь заполнить этот пробел в ближайшем будущем. А сейчас извините – празднуйте без меня. Хотя не советовал бы: плохая примета...

– Так точно, товарищ вице-адмирал! – Губанов от греха подальше перешёл на суконный язык уставных взаимоотношений.

Вице-адмирал кивнул, всё так же пристально глядя на Мстислава.

– Если вы правильно меня поняли, а я очень на это надеюсь, то идите и выполняйте мой приказ.

– Так точно, товарищ вице-адмирал!

Губанов козырнул и строевым шагом отправился к двери, но на пороге спохватился и, приостановившись, спросил:

– Разрешите обратиться, товарищ вице-адмирал?

– Да, слушаю вас, товарищ Губанов.

– Может быть, мы оскорбляем вас этим подарком? – Мстислав указал глазами на стол, на котором стояла бутылка «Хеннеси» и пакет с деликатесами. – Может быть, это... убрать?

Вице-адмирал тихо засмеялся:

– Наоборот, – сказал он. – Отказавшись от подарка, этим обижу вас...

Рассказ Губанова о том, что произошло между ним и Георгием Семёновичем в персональной каюте последнего, вызвал настоящий фурор среди членов команды «Варяга». Мстиславу пришлось повторить эту историю не менее сотни раз, и каждый раз его слушали, раскрыв рты. Обсуждение продолжалось целую неделю. Мнения команды относительно личности новоиспечённого командира разделились. Одни говорили, что Долгопрудный – «старый козёл, который всех поставит раком», другие – что «знающий кэп, и „Варяг“ при нём поднимется». Когда у самого виновника переполоха спрашивали, что он думает по поводу командира, Губанов только тряс головой и говорил, что предпочёл бы никогда не попадаться тому на глаза.

* * *

Между тем дела на крейсере шли своим чередом, оборудование обновлялось, системы тестировались, орудия приводились в состояние боевой готовности. Скучала только команда технического обслуживания авиационной группы (БЧ-6): ни самолётов, ни пилотов на «Варяге» до сих пор не видели.

Оставаясь для подавляющего большинства загадкой и ни с кем не сблизившись более, чем положено субординацией, Долгопрудный тем не менее быстро вписался в работы по достройке «Варяга», выполняя свои обязанности энергично и со знанием дела. Если нужно было кричать – он кричал. Если нужно было топтать ногами – он топал ногами. Но если нужно было улыбаться – он прямо-таки излучал дружелюбие.

Только один человек на всём «Варяге» мог рассказать, кто такой Георгий Семёнович Долгопрудный, но этот человек молчал, пряча улыбку в усы. Звали его Василий Рушников, и на «Варяге» он занимал должность командира расчёта одной из зенитных ракетных установок «Кинжал». Под его началом служили двенадцать человек из БЧ-2,²⁰ которых Рушников ласково называл: «Мои апостолы». Подчинённые его уважали, хотя он был младше любого из них по возрасту – ему совсем недавно исполнилось тридцать пять. А вице-адмирала Долгопрудного он знал, потому что начинал свою флотскую службу на Тихом океане, и лишь потом, в 92-ом году, запросился на родину, на Украину, где осели его родители, в одночасье превратившиеся из обеспеченного семейства флотского офицера в тех, кого называют «живущими за гранью бедности». Его возвращение, его умелые умные руки позволили семье Рушниковых как-то сводить концы с концами в самые тяжёлые годы, но настоящее благосостояние пришло только теперь – когда Василий стал членом команды «Варяга».

Однажды Долгопрудный посетил пост управления «Кинжала». Рушников построил личный состав и доложил вице-адмиралу о готовности расчёта выполнить любую боевую задачу. Георгий Семёнович, который уже ознакомился с персональным досье и послужным списком Василия, одобрительно кивнул. Потом повернулся к стоящим в одну шеренгу «апостолам» и спросил: «Ну как, ребяташки, покажете, на что способны?». Сформулированный в виде просьбы приказ остаётся приказом – моряки быстро заняли свои места, и Рушников, удостоверившись в этом, запустил на компьютере управления тестовую программу.

За две секунды программа сгенерировала четыре цели, по характеристикам соответствующие американским противокорабельным ракетам «Гарпун» RGM-84, на скорости в триста метров в секунду приближающиеся к кораблю. Кроме того, компьютер усложнил задачу, создав мощную завесу из помех, чем попытался сбить с толку собственную систему радиолокацион-

---

²⁰ БЧ-2 – ракетно-артиллерийская боевая часть.

ного обнаружения. «Антенна! – прикрикнул Рушников, увидев, как цели на экране радиолокатора раздвоились. – Выделить ложные!». Оператор антенного поста быстро подкорректировал показания локатора с помощью телевизионно-оптической системы наведения, и целей снова осталось только четыре. Василий помедлил ещё несколько секунд, выжидая, когда условные ракеты войдут в зону поражения, которая для комплекта «Кинжал» составляет 12 километров, и отдал приказ: «Расчёту, цели номер один, два, три, четыре – уничтожить!». Если бы в подпалубных пусковых установках находились контейнеры с телеуправляемыми зенитными ракетами 9М330, а цели были бы настоящими, а не учебными, то в этот момент почти одновременно откинулись бы массивные крышки, и четыре дымные полосы расчертили бы воздух над морской гладью акватории. С интервалом в три секунды, определяемым скорострельностью, условные ракеты комплекса «Кинжал» ушли в сторону условных целей. Расчёт напряжённо следил за тем, как сближаются ракеты и цели, а комплекс автоматически отработал полный цикл и приготовился к новому залпу. Ещё через двенадцать секунд после этого все четыре цели были уничтожены.

Вице-адмирал похлопал в ладоши, выказывая высокую оценку слаженной работе расчёта комплекса и высокому профессионализму его командира, потом отвёл Рушникова в сторонку.

– Молодец, Василий, – похвалил он подчинённого. – Хорошо себя показал... – Долгопрудный сделал паузу и добавил заговорщическим голосом: – А ведь я тебя помню, Рушников, и «подвиги» твои помню.

– Неужели, товарищ вице-адмирал?

«Подвиги» за Рушниковым водились, но он предпочитал их не афишировать: не попали в личное дело, и славно.

– Значит, так, – сказал Долгопрудный. – Будь я на Тихом твоим начальником, ты бы в два счёта с флота вылетел. За любую из своих выхонок. Не посмотрел бы ни на выслугу, ни на рабоче-крестьянское происхождение. Но здесь выбирать не приходится. А службу ты знаешь. Так что служи, но если ещё хоть раз...

Дополнительные разъяснения, что последует за ещё одним «разом», не потребовались. Рушников вытянулся по стойке «смирно» и гаркнул:

– Больше не повторится, товарищ вице-адмирал! Я давно взялся за ум и остепенился.

– Верю, – сказал Георгий Семёнович и, кивнув, ушёл к себе.

Василий проводил его задумчивым взглядом.

* * *

Работы на «Варяге» продолжались, и вскоре среди команды пошли разговоры о скором переходе в Макао. Это радовало. Многим уже наскучило стоять у Северной набережной Большого ковша Черноморского судостроительного завода – хотелось открытого моря и свежего ветра.

И вот в один из пасмурных зимних дней, когда на море штормило, а с серого неба сыпал мокрый снег вперемешку с холодным дождём, на крейсере появился молодой широкоплечий человек в тесном длиннополом пальто и с чёрным «дипломатом» в руках. Молодой человек предъявил пропуск, подписанный начальником порта ЧСЗ, и, сопровождаемый вахтенным офицером, направился прямо в каюту командира.

Георгий Семёнович в это время беседовал со старшим помощником – обсуждался вопрос готовности корабля к пробному выходу за акваторию. Шагнув в каюту и плотно прикрыв за собой дверь, молодой человек поздоровался и произнёс вполне обычную фразу: «Вам привет от Моисея Моисеевича», которая произвела на вице-адмирала удивительный эффект. Лицо Долгопрудного, обычно нахмуренное, в один момент разгладилось, глаза загорелись, на губах заиграла улыбка, и он даже вскричал нечто вроде: «Мой милый, как я рад!», после чего шаг-

нул к молодому человеку с явным намерением его обнять. Молодой человек в узком пальто вежливо отстранился и глазами указал на старшего помощника. Вице-адмирал понял намёк и немедленно приказал подчинённому покинуть каюту, но не отлучаться далеко, поскольку скоро воспоследует ряд новых распоряжений, требующих быстрого и неукоснительного исполнения.

Старший помощник отдал честь и вышел. Как и приказывал вице-адмирал, он не стал далеко уходить от каюты, прогуливаясь по коридору второго яруса. И в результате стал невольным свидетелем окончания разговора между Долгопрудным и загадочным молодым человеком. О чём впоследствии рассказал на «посиделках» в кают-компании. Прошло чуть более четверти часа, как дверь, закрывшаяся за старшим помощником, резко распахнулась. Через комингс переступил вице-адмирал, и был он снова сердит, от его недавней приветливости не осталось следа.

– То, что вы предлагаете, – это безумие! Слышите? Бе-зу-ми-е! – говорил Долгопрудный, поправляя на ходу свой парадный китель.

Старший помощник превратился в слух, стараясь не пропустить ни единого слова. Молодой человек шёл за Георгием Семёновичем и выглядел спокойным, словно раздражение, изливаемое вице-адмиралом, его совершенно не касалось.

– Пиратский рейд! – продолжал Георгий Семёнович, очевидно, не замечая вставшего навтыжку подчинённого. – Вот как это называется! Без поддержки! Без боевого охранения! К чёрту на кулички! Где мы топливо будем брать? И под каким флагом прикажете выступать? Может, нам поднять чёрный? С черепом и косточками?

– Зачем такие ужасы? – высказался на это молодой человек. – Можно под «Андреевским». Моисей Моисеевич уверен, что это не вызовет никаких дипломатических осложнений. А если даже и вызовет... Шила в мешке не утаишь.

– Уверен он, – буркнул Долгопрудный. – Без году неделя! Исполняющий обязанности, а туда же! Что он понимает в мешках?..

Тут Георгий Семёнович сообразил, что и так сказал более чем нужно в присутствии постороннего, замолчал и с недоумением воззрился на замершего старпома.

– Ах, это вы, – пробормотал он и тут же снова принял независимый и вполне respectable вид. – Так, – сказал вице-адмирал, – а вы чего стоите?

– Жду ваших дальнейших распоряжений, товарищ вице-адмирал, – браво отвечал старпом.

Вице-адмирал посмотрел на него исподлбья, потом встрепенулся и громко объявил:

– Немедленно постройте офицеров, за исключением вахты, на полётной палубе! – и добавил тоном ниже: – Буду говорить с людьми...

Приказ был выполнен в точности, и через полчаса, невзирая на снег и морось, на палубе крейсера был построен весь офицерский состав. Георгий Семёнович начал без предисловия:

– Товарищи! Мы получили приказ. В течение двух недель мы должны закончить подготовку, перевооружение крейсера и покинуть Николаев. Курс – на Атлантику. Дальше – будет видно. Хочу предупредить вас. Это не простой поход. Вполне возможно, мы встретимся с противником, превосходящим нас по боевой мощи. Будьте готовы к любому развитию событий. Я надеюсь на вас. Верю в ваше мужество и профессионализм. Не посраим чести советского флота!

Он сказал «советского» неслучайно: в команде «Варяга» хватало и украинцев, и представителей других национальностей стран СНГ, потому говорить «русского» было некорректно, а «эсэнгэшного» – глупо.

Офицеры молчали. Лишь лёгкий шепоток прошёл по строю, сразу затихнув.

– Наверняка, у вас есть вопросы, – продолжил вице-адмирал после небольшой паузы. – Спрашивайте сейчас. Если смогу – отвечу. Потом времени на вопросы-ответы не будет.

– Разрешите обратиться, товарищ вице-адмирал?

То был командир расчёта ЗРК «Кинжал» Василий Рушников.

– Разрешаю, – Долгопрудный кивнул.

– От кого исходит приказ?

Стоявшие рядом офицеры посмотрели на Василия, как на блаженного. Самое интересное, что точно ответить на вопрос, кому сегодня принадлежит «Варяг», никто из них не смог бы. Однако в сознании давно закрепились и заменила собой истину одна из высказанных кем-то гипотез, основанная на простейшей бытовой конспирологии, – будто бы существует тайная наднациональная организация, объединяющая в себе лучших представителей силовых структур и ставящая своей целью не больше и не меньше, как восстановление Советского Союза, и будто бы именно эта организация приобрела авианесущий крейсер, дабы спасти его от разграбления и переплавки в сковородки с тефлоновым покрытием. Однако вице-адмирал ответил.

– Приказ отдал... Президент, – сказал он громко. – *Наш* Президент.

Ответ подразумевал множество толкований, но Рушников, видимо, удовлетворился, потому что задал новый вопрос:

– Вы говорили о противнике, «превосходящем по боевой мощи». Кто бы это мог быть?

Вице-адмирал оглянулся на молодого человека в тесном пальто. Тот промолчал, предоставив Долгопрудному самому выпутываться из сложной ситуации.

– Противником будет считаться тот, – произнёс вице-адмирал со значением, – кто попытается помешать нашему крейсеру выполнять поставленные перед ним задачи. Большого я сказать не могу.

– Спасибо, – с достоинством поблагодарил за ответы Василий Рушников. – Разрешите встать в строй?

– Разрешаю.

Больше вопросов не поступало, и Долгопрудный отпустил офицеров. Те не стали задерживаться на палубе. Две недели – не слишком большой срок, чтобы подготовить тяжёлый авианесущий крейсер к первому самостоятельному плаванию. Но они справились. А как же иначе?

* * *

... Через две с половиной недели после получения приказа от «нашего Президента» авианосец вошёл в пролив Босфор. Как и предписывалось Конвенцией о морских проливах 1936 года, принятой в швейцарском городе Монтрё, радисты «Варяга» на частоте в 500 килогерц вызвали сигнальную станцию Босфора, расположенную в Анатолу, сообщили наименование и позывные корабля, после чего запросили разрешение на проход в Мраморное море. Согласно той же Конвенции, черноморские государства, желающие провести корабли через Босфор или Дарданеллы, обязаны за восемь дней по дипломатическим каналам послать турецким властям уведомление о своём намерении. Применительно к «Варягу» это было сделано заблаговременно, однако у турецкой разведки чесались руки и все остальные органы от желания заглянуть на нижние палубы крейсера, а потому разрешение получено не было.

В тревожном ожидании прошла ночь. Долгопрудный вёл переговоры с сигнальной станцией, а турецкие пограничные катера бороздили воду вокруг «Варяга», действуя на нервы боевым расчётам, просидевшим всю ночь на своих постах и наблюдавшим за этим безобразием на экранах локаторов и сквозь видеоискатели оптических прицелов. «Пропустят – не пропустят? – задавались вопросом офицеры крейсера. – И что будем делать, если не пропустят?».

Однако с рассветом турки дали «добро», и тяжёлый авианосец на скорости в 10 узлов двинулся дальше, держась азиатского берега. Распоряжение пропустить корабль поступило с самого верха, и турецкие разведчики с пограничниками ничего не могли сделать. Они, разумеется, не знали, что это распоряжение появилось в результате блестящей операции, проведён-

ной военным атташе российского посольства в Анкаре. Денег, перечисленных на специальный счёт, атташе не жалел, и несколько видных чиновников Турции в ту ночь заметно увеличили свои капиталы. Дарданеллы тяжёлый крейсер миновал уже без малейших задержек.

Восточнее Мальты «Варяг» был визуально замечен с борта авианосца «Америка». Между командирами двух военных и сравнимых по мощи кораблей состоялся краткий диалог по ближней радиосвязи. Переводчик не понадобился – оказалось, что Георгий Семёнович неплохо владеет английским. В результате этого диалога капитан «Америки» пожелал Долгопрудному и вверенному ему кораблю счастливого пути, а разведка ВМФ США обогатилась ещё одним – в ряду сотен других – донесением о появлении на мировых океанских линиях приписанного к порту Макао тяжёлого авианесущего крейсера под названием «Варяг».

Моряки «Америки», высыпав на палубу, не без изумления взирали на грозный силуэт крейсера – четыре года назад они видели в этих водах точно такой же (систер-шип «Адмирал Кузнецов» заходил сюда во время проведения международной операции по умиротворению военного конфликта, названного впоследствии Боснийским Кризисом), но к формам крейсера проекта 11435 трудно привыкнуть. Ещё они видели перед собой осколок огромной и страшной Империи и могли только благодарить своего протестантского Бога²¹ за то, что он услышал их молитвы и не допустил, чтобы дело дошло до Большой Войны и здесь, в Средиземном море, им повстречался всего лишь один (да и то безоружный) крейсер потенциального противника, а не десять или двадцать плавучих монстров с лучшими в мире истребителями на борту...

За время перехода к Атлантике «Варяг» дважды сменил флаг. Если порт Черноморского судостроительного завода он покинул под жёлто-синим флагом Украины, то после того, как крейсер миновал Дарданеллы, над его «островом» взвился красный флаг Китайской Народной Республики, и только за Гибралтарским проливом на гафеле был поднят настоящий «Андреевский» флаг – две синие полосы крест-накрест на белом фоне.

(В/ч 45678, Ленинградская область, январь 2000 года)

Клиент был пьян. В стельку.

Он сидел на скамейке в раздевалке служебного помещения под «вышкой» командно-диспетчерского пункта и, тупо глядя перед собой, икал. И больше от него ничего нельзя было добиться.

– Везёт тебе, Костя, – заметил начштаба и главный радатель коммерческих полётов подполковник Лаптев. – И деньги заплачены, и лететь никуда не надо.

Громов снял фуражку и размотал шарф.

– А где остальные басурмане? – поинтересовался он, направляясь к своему шкафчику.

Имелись в виду спутники клиента: эти ребята обычно приезжали компаниями – пофорсить друг перед другом, сняться всей кодлой на фоне современного истребителя.

Лаптев засмеялся.

– Остальные ещё хуже, – сообщил он. – В «джипе» у КПП сидят – вылезти не могут.

– Понятно, – сказал Громов.

Он начал расстёгивать шинель.

– Ты куда это собрался, подполковник? – подозрительно осведомился Лаптев.

– Керосин оплачен? – спокойно спросил Громов и сам же ответил: – Оплачен. Ресурс оплачен? Оплачен. Чего тебе ещё нужно, подполковник?

Лаптев обиделся:

– А тебе, подполковник, всегда нужно больше всех!..

Клиент вдруг издал низкий утробный звук, и его вырвало зелёным прямо на брюки.

---

²¹ Более половины верующих в США – протестанты.

– Ай-ай-ай, – Громов покачал головой. – Какая неприятность. Займись, подполковник. Это входит в перечень услуг.

Начштаба побагровел. Вывести его из себя всегда было довольно просто.

– Ты у меня попомнишь, подполковник, – пообещал он зловеще и выскочил из раздевалки.

– Попомню, – невозмутимо отвечал Константин.

Через пятнадцать минут полностью экипированный и готовый к вылету Громов неторопливо шёл по рулѐжной дорожке, направляясь к ангарам, где его ждал красавец-истребитель «Су-27УБ».²² Сержант из роты технического обслуживания приветливо улыбнулся ему:

– Здравия желаем, товарищ подполковник!

– Здорово, Иван. Как тут «журавль»²³ без меня поживает?

– На пять с плюсом. У нас всё схвачено, товарищ подполковник, не беспокойтесь.

Громов знал, что у техников действительно «всё схвачено» и не беспокоился. Он кивнул сержанту и по приставленной лестнице забрался в кабину. Устроился в кресле, пристегнулся, включил питание приборной доски, окинул критическим взглядом россыпь зелёных огоньков, проверил состояние многофункциональных дисплеев и табло отказов. В это время сержант убрал колодки и лестницу, помахал рукой, показывая, что всё готово. Громов запустил силовую установку, прислушиваясь к тому, как мощно раскручиваются роторы двух турбореактивных двигателей АЛ-31Ф производства фирмы «Сатурн» Архипа Люльки. Потом перебросил тумблер на приборной доске и вышел на связь с командно-диспетчерским пунктом.

– База, говорит Витязь, как слышно меня?

– С добрым утром, Костя, – поприветствовал Громова весѐлый голос.

Константин сразу опознал его владельца – майора Саблина, который сегодня дежурил на КДП.

– С добрым утром, Слава. Выпускай на взлѐт, не томи.

Возникла заминка. Потом, понизив тон, Саблин сообщил:

– Тут начштаба всех строит. Не велит тебя выпускать.

– Основания?

– Говорит, полѐт отменяется в связи с неявкой клиента.

– Хм-м... Клиент, по-моему, на месте. И при деле.

Саблин приглушѐнно засмеялся. Он был в хорошем настроении и, видимо, вполне оценил юмор ситуации. Громов услышал, как на заднем плане громко, но невнятно рокочет разобидевшийся подполковник Лаптев. Ему кто-то робко и так же невнятно отвечал. Константин разобрал всего несколько слов и обрывков фраз: «этот наглец», «приказ», «клиент», «его урою» и «он у меня».

Двигатели «Су» продолжали работать, и Громов скучным официальным голосом снова запросил у КДП разрешение на взлѐт. Саблин вернулся к выполнению своих прямых обязанностей:

– Витязь, вам отказано в вылете. Заглушите двигатель и покиньте самолѐт... Костя, начштаба упорствует. Говорит, клиент находится на земле. А без клиента ты не полетишь.

– А ты ему объясни, – посоветовал Громов с ленцой, – что клиенты разные бывают. Кому-то нравится *участвовать* в процессе. А кто-то предпочитает *наблюдать*.

Саблин передал народу слова Громова, и тут же эфир взорвался жизнерадостным хохотом. Смеялись все, кто был на КДП, кроме, наверное, уязвлѐнного в очередной раз подполковника Лаптева.

– Ну что там? – спросил Громов, когда смех несколько поутих.

---

²² «Су-27УБ» – двухместная учебно-боевая модификация истребителя «Су-27».

²³ «Журавль» – ласковое прозвище истребителей «Су-27».

– Начштаба нас покинул, – безо всякого сожаления сообщил Саблин. – Ты бы видел его физиономию!

– Мне разрешат сегодня вылет или нет?

– Лети, сокол, – дал своё согласие Саблин. – Занимай третий эшелон и крутись в своё удовольствие. Кобру покажешь?

– Покажу, если просите.

– Тогда дай знать – ребята посмотреть хотят.

– Не налюбовались ещё?

Говоря это, Громов двинул РУД²⁴ до защёлки «малого газа» и по рулѐжной дорожке повѐл истребитель к взлѐтно-посадочной полосе. Машина катилась ровно, турбины свистели, и жизнь была прекрасна.

– База, говорит Витязь, я на исходной.

– Витязь, взлѐт разрешаю.

Громов вывел обороты двигателя на взлѐтный режим, полоса заскользила навстречу, теперь РУС²⁵ на себя, и вот уже мелкая тряска, сопровождающая движение истребителя по полосе, разом прекратилась, и земля плавно уходит вниз, проваливается под фюзеляж, а впереди – только небо.

Набрав высоту, Константин надел маску кислородной системы ККО-5 и снова связался с Саблиным:

– Начинаю маневрирование. «Поворот на горке».

Посторонний наблюдатель увидел бы, как раскрашенный в камуфляжные цвета «Су-27УБ» вдруг резко задрал нос и полетел в зенит, двигаясь практически вертикально – манѐвр, называемый «горкой». Затем истребитель снизил скорость до минимума и, оставаясь в той же плоскости, завалился на крыло, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов в пикирование.

– Отчаянный малый наш Громов, – одобрительно обронил Саблин, наблюдавший за истребителем сквозь панорамное окно КДП. – «Поворот на горке» на машине весом в двадцать две тонны – это не хухры-мухры. Не всякий рискнѐт.

– Да, – согласился один из находившихся в диспетчерской офицеров. – Я бы не рискнул.

– А кто он такой – этот Громов? – поинтересовался молодой лейтенант, лишь неделю назад прибывший в часть и ещё не успевший сделать ни единого вылета. – Как приехал, только и слышу: Громов, Громов, Громов. Он что, действительно из «Витязей»?²⁶

– Из них, – подтвердил Саблин. – Потому и держим. Он умеет делать то, чего никто не умеет. Да и басурмане, как услышат, что их «Витязь» будет возить, на лишнюю сотню баков всегда готовы разориться.

Громов тем временем вышел из манѐвра и объявил «Петлю Нестерова с переворотом в верхней точке и выходом в управляемый штопор».

– А почему он здесь, а не в Кубинке? – поинтересовался лейтенант.

– Выперли его из «Витязей». В девяносто шестом. Он в Ле Бурже выступал. Ну и впилился в какого-то француза на «Мираже». Или француз в него впилился. История-то знаменитая. Про неё во всех газетах печатали. А разбираться никто не стал. Вот и списали нашего Костю. Он в Заполярье потом служил – командиром части. А теперь у нас.

– Ясно, – лейтенант вздохнул. – А он учеников берѐт?

Саблин хохотнул:

---

²⁴ РУД – рычаг управления двигателем.

²⁵ РУС – рукоятка управления самолѐтом.

²⁶ Имеется в виду знаменитая пилотажная группа «Русские Витязи» Центра показа авиационной техники, находящегося в Кубинке (Московская область); образована в 1991 году.

– Что, тоже «единичку» на грудь заработать захотелось?

Лейтенант, носивший на груди значок пилота третьего класса, покраснел и потупился.

– Манёвр завершил, – доложил Громов. – По приказам радиослушателей выполняю «Кобру Пугачёва».

(Вообще-то «Кобру Пугачёва» придумал не Пугачёв – это всеобщее заблуждение. К счастью, капризуля История в данном случае сохранила имя подлинного первооткрывателя. А было так. Однажды лётчик-испытатель Игорь Волк (ведущий пилот Лётно-исследовательского института имени Громова, поднимавший, в частности, нашу космическую гордость – «Буран») гонял экспериментальный образец «Су-27» на различных критических режимах, включая управляемый штопор. Погасив скорость и увеличивая угол атаки, Волк с удивлением обнаружил, что самолёт не сваливается на крыло, как это сделал бы любой другой, а всё больше запрокидывается назад, сохраняя при этом первоначальное направление движения. Повинуясь скорее инстинкту, чем знанию, Волк отдал ручку управления самолётом вперёд, после чего «Сухой» опустил нос и продолжил полёт как ни в чём не бывало. Рассказ Волка о новом манёвре переполошил ЛИИ. В процессе всестороннего изучения такой режим полёта получил название – «динамическое торможение», и только после того, как шеф-пилот КБ Сухого Виктор Пугачёв, продемонстрировал его публике на очередном авиа-шоу в Ле Бурже, манёвр окрестили «Коброй Пугачёва». Надо отдать должное Игорю Волку: он не стал скандалить из-за приоритета, заявив, что «мы уж как-нибудь с Виктором славой сочтёмся».

Продолжая тему, можно сказать, что «кобру» освоили и умеют делать почти все современные российские истребители, но до сих пор этот манёвр не доступен для подавляющего большинства западных летательных аппаратов. Завистливые американцы оспаривают целесообразность применения «кобры» в современном воздушном бою, однако из кожи вон лезут, чтобы придумать какой-нибудь антиманёвр. Не так давно американский испытатель Хербст, летающий на экспериментальном самолёте «Х-31», придумал довольно сложный разворот, который окрестил «Мангустом». Всё бы хорошо, да вот незадача: «Х-31» – лёгкий планер, на него нельзя установить даже пулемёта, а наши пилоты без труда смогли воспроизвести «разворот Хербста» на тяжёлых современных машинах класса «Су» и «МиГ»).

– Вон он! – крикнул возбуждённо лейтенант.

Сначала все увидели истребитель, на огромной скорости идущий с севера, затем пришёл звук – оглушающий вой двигателей, способных на форсаже развивать тяговую мощность в сто тысяч лошадиных сил каждый. Нос самолёта задрался, хвост ушёл вниз, и какое-то время истребитель, продолжая лететь вперёд, действительно напоминал изготовившуюся к броску кобру. У лейтенанта вырвался вздох восхищения. Когда скорость упала до критической, Громов опустил нос самолёта, чтобы избежать сваливания и продолжил полёт уже в горизонте.²⁷

– Чисто сделал, – уважительно прокомментировал Саблин. – Профессионал.

Грянул звонок телефона. Майор с неудовольствием посмотрел на чёрный аппарат, стоящий на пульте, но трубку снял:

– Дежурный по КДП слушает!

На том конце провода быстро заговорили. Саблин некоторое время внимал, затем спросил озадаченно:

– А кто вы собственно такой?..

Ему что-то ответили.

– Вы уверены, что он поймёт?

На том конце были уверены. Саблин шумно почесал в затылке и вызвал Громова:

---

²⁷ Лететь в горизонте – лететь в горизонтальном полёте.

- Витязь, на связи База. Ответьте Базе, Витязь.
- База, я весь внимание.
- Слышь, Костя, тебе тут из Города звонят. Говорят, срочное дело.
- Кто звонит?
- Чудак какой-то. Назвался Капитаном. Говорит, ты поймёшь.
- Понял. Возвращаюсь.

Громов заложил вираж и лёг на обратный курс к аэродрому. На лице его, спрятанном под забралом защитного шлема и кислородной маской, играла неопределённая улыбка – ни один из его многочисленных друзей, даже Лукашевич или Стуколин, не смогли бы сказать, что она означает. Возможно, это была просто улыбка.

(Санкт-Петербург, январь 2000 года)

На улице Некрасова имеется небольшой ресторан под названием «Пивной клуб». Там можно отведать жаркое из ляжки кенгуру или стейк из хвоста крокодила. К обширному меню из сотни деликатесных блюд прилагается список на два десятка сортов пива. Кроме того, прислуживает в этом ресторане довольно забавный, но вполне натуральный негр – наверное, он нанят для того, чтобы любой россиянин, придя сюда, мог почувствовать себя «белым человеком». По соседству с «Пивным клубом» располагается магазин «Солдат удачи», торгующий военной амуницией. Настоящий солдат удачи, занеси его в этот магазин нелёгкая, будет наверняка разочарован: вместо реального оружия здесь продаются макеты и модели, которые ни один уважающий себя коллекционер не то что на стенку не повесит, но даже и в руки не возьмёт. Однако, купившись на название магазина, офицеры разных мастей и воинских званий частенько появлялись на улице Некрасова, а чтобы не уходить просто так, заглядывали в «Пивной клуб», в конце концов облюбовав его для постоянных посиделок.

Бывал там – не реже раза в неделю – и капитан ВВС в отставке Алексей Стуколин. Работа в качестве консультанта по военной технике при одном из питерских издательств, специализирующихся на выпуске роскошных энциклопедий, приносила небольшой доход, но Алексей жил экономно, а потому мог себе позволить раз в неделю оттянуться на полную катушку в компании себе подобных.

И вот как-то погожим субботним днём Стуколин сел в трамвай и приехал на улицу Некрасова. Войдя в ресторан, он обнаружил за одним из столиков компанию из трёх знакомых ему офицеров.

Сегодня общим вниманием овладел коллега Золотарёв. Он недавно вернулся из Чечни, заработав там орден Мужества и очередное звание, а потому мог поделиться свежим боевым опытом. Стуколин заказал себе две кружки «Будвайзера» и солёных сухариков, после чего присел к столику.

– Ну так вот, – рассказывал Золотарёв. – Только я из манёвра вышел, тут мне и засадили «стингером» прямо в мотор. Машину вниз повело. Значит, в штопор заваливаюсь. Дёргаю ручку на себя. Но тут обшивку рвать начала, и я за рычаги катапультирования схватился...

На этом месте Золотарёв остановился и сделал большой глоток, разом опустошив кружку. Слушатели нетерпеливо заёрзали. Стуколин, которому ни разу не приходилось катапультироваться в ходе боя, посмотрел на них с превосходством. Он полагал, что пилот, не сумевший уберечь свой самолёт, – это плохой пилот.

– И ты катапультировался? – не выдержал один из слушателей – капитан противовоздушных войск Андронов, прославившийся тем, что в самом начале необъявленной войны НАТО против Югославии подал рапорт и уехал добровольцем в Косово.

Золотарёв ухмыльнулся, пригладил свои пышные усы и, взявшись рукой за новую кружку, продолжил рассказ:

– Катапультировался, в общем, – подтвердил он догадку Андропова. – А видимость, я уже говорил, у земли была низкая – туман. И чечены не видели, куда я сел. Но вот ведомый – дурак! – вздумал посмотреть, как я там устроился, и два круга надо мной сделал. Радисты потом рассказывали, что чечены сразу это дело просекли. И в эфире обменивались: мол, если самолёт круги нарезает – значит, лётчик жив и где-то внизу прячется. А я за дерево зацепился и повис. Потом стал раскачиваться, пока до ствола не добрался. Ухватился. Перерезал стропы. Слез вниз. Думаю, надо уходить. Если чечены найдут – живым в землю закопают. Были прецеденты. Пошёл в горы... – Золотарёв выдержал новую паузу, наслаждаясь нетерпением слушателей. – С грехом пополам влез куда-то. А тут стемнело совсем. Решил, дальше не пойду, здесь переночую. Распаковал НАЗ.²⁸ Лодку резиновую на склоне расстелил. Парашютом накрылся. Ночь, короче, перекаптался. Хотя больше мёрз, чем спал. В «Комаре»²⁹ батарейки севшие оказались. Найти бы ту суку, которая НАЗ собирала – убил бы гада! Думаю, возвращаться надо под моё дерево. Где в другом месте свои же не найдут, и тогда точно кранты. Пошёл назад. Сел. Жду. Слышу – где-то внизу собаки лают. Ага, думаю, это по мою душу чечены идут. Сдаваться не собирался. Взял гранаты. Одну – на груди оставил. Одну – к животу привязал. Остальные – вокруг разложил. Всё, значит, отлетался...

Негр-официант принёс Стуколину пиво и сухарики, и, пока тот разбирался со всем этим хозяйством, Золотарёв молчал, хитро улыбаясь.

– Надо думать, всё идёт к счастливой развязке, – заметил ещё один из участников посиделок – майор Кривцов, отслуживший три месяца в миротворческом контингенте в Приштине. – Иначе ты здесь не сидел бы.

– Логично, – признал Золотарёв. – Но главное ещё впереди.

Стуколин пригубил из кружки и спросил.

– Ты хочешь сказать: позади?

Он всегда более чем скептически относился к байкам, рассказываемым коллегами, не без оснований полагая, что цветистые подробности их подвигов высосаны из пальца. Он сам мог порассказать много интересного и поучительного, однако на все подначки предпочитал отшучиваться. Честное слово, данное когда-то советнику Маканину, было покрепче любой подписки о неразглашении.

– Давай рассказывай, – снова проявил нетерпение Андронов.

– На чём я остановился? – спохватился Золотарёв, несколько озадаченный вопросом Стуколина. – А, ну да. Попрощался я, значит, с жизнью. Но тут слышу: «вертушка» летит. Блин, думаю, в самый раз. Воля к жизни пробудилась. Потом-то выяснилось, что наши меня с рассвета искали. И вот нашли. Но оказалось, я рано радовался. Тут как в кино: и наши подвалили, и чечены. Наши с «вертушки» по ним палят. Чечены – по мне. Но самое страшное уже в конце было. Я на тресе вишу. Лебёдка крутится ме-едленно. Глаза закрыл, из АКСУ³⁰ своего палю в божий свет, как в копеечку. Вдруг по ушам как шарахнет. Огонь, жар. Ну, думаю, теперь точно звездац. А это, оказывается, вертолётчик, дубина, по чеченам НУРСами³¹ садит – прямо над головой. Думал, оглохну к чертям собачьим. До сих пор в ушах звенит...

Офицеры помолчали, ожидая, что Золотарёв добавит что-нибудь к уже сказанному. Но это было всё.

– Да-а, – протянул Андронов. – История...

– А вообще чечены воевать умеют, – сообщил Золотарёв. – Настоящие солдаты.

---

²⁸ НАЗ – носимый аварийный запас.

²⁹ «Комар» – переносной радиомаяк.

³⁰ АКСУ – Автомат Калашникова специальный укороченный.

³¹ НУРС – неуправляемые реактивные снаряды.

– Ещё бы не умели, – поддержал Андронов. – У них все полевые командиры – бывшие офицеры Советской армии. И не в малых чинах. Тот же покойный Дудаев был генералом стратегической авиации.

– Это значения не имеет, – вмешался Кривцов. – Мало ли кто какие погоны носил. Вон у натовцев тоже – генералы, адмиралы, а как воевать не умели, так и не умеют.

– С чего это ты решил? – изумился Золотарёв. – Вынесли же Милошевича – и трёх месяцев не прошло!

– Ага, забомбили до усрачки и ходят теперь орлами. Кнопки нажимать большого героизма не требуется. А я их на земле видел. И уж насмотрелся.

– Чем же они так плохи? – заинтересовался Стуколин, который только что прикончил свою первую за сегодня кружку и сделал паузу, чтобы выкурить сигарету.

– Солдат на войне должен думать о войне, – нравоучительно заявил Кривцов, поворачиваясь к Алексею. – А не о том, сколько он бабок загребёт, когда война закончится. А то они, понимаешь, до ветру идут – каску и бронежилет надевают.

– И какая тут связь?

– Самая прямая, – Кривцов отхлебнул пива. – Если их вояка, например, в собственном дерьме поскользнётся и ногу сломает, и будет при этом не по форме одет, то травму ему засчитают как бытовую и со службой не связанную. А если по форме – как полученную при выполнении боевого задания, за что полагается солидная премия и бирюлька на грудь...

– Ага, – сказал Стуколин. – Но тут я их понимаю. Если бы у нас такое ввели, мы бы тоже до кустов в бронежилетах бегали. Так ведь не введут же!

– ...И считают, всё время считают, – развивал мысль Кривцов. – Кто сколько получит за то, за это. С командирами спорят. Разве ж такими должны быть солдаты?

– Да ладно тебе, – отмахнулся справедливый Алексей. – Среди наших уродов тоже хватает. И в Афгане такие были. И теперь – в Чечне.

– У нас это – единичные случаи! – начал закипать Кривцов. – А у них – система! Или вот ещё. Трусые они страшные. От любого шороха дёргаются. Едут в патруль – набьются в БТР, как сельди в бочку. И ещё люки изнутри законопатят. А наши – всегда сверху, на «броню».

– Да, – согласился Стуколин. – Башку под пули подставлять наши умеют. Если одна дурь в башке, так чего ж не подставить?

Он скромно умолчал при этом, что в своё время – чуть более года назад – и сам «подставлял под пули башку», не задумываясь о последствиях, свидетельством чему на его теле была глубокая отметина – звездообразный некрасивый шрам под правым соском.

– Сам дурак! – огрызнулся Кривцов. – Эти натовцы тоже считали, будто умнее всех, а когда БТР с французами в пропасть завалился, так на пень изошли, оправдываясь.

– А что, был такой случай? – оживился Золотарёв.

– Угу, – подтвердил майор. – Девять трупов – как с куста. По частям из брони вырезали.

Офицеры помолчали. Беседа о низких моральных качествах бывших потенциальных противников как-то уж очень быстро приобрела мрачно-траурный оттенок. Кривцов решил подкорректировать беседу, оставшись в том же русле.

– Но французы или там немцы – ещё ничего, а вот штатовцы – те вообще. Ну вот, скажем, ты, Сергей, – майор посмотрел на Золотарёва, – ты что в бумажнике таскаешь?

– Деньги, – ответил пилот. – Когда они есть.

– Фото какие-нибудь носишь? – уточнил Кривцов.

– Ну да, конечно... Жена, дети, мама...

– Вот! – Кривцов поднял указательный палец. – Нормальный человек. Амы тоже фотокарточки носят. Мне показывали. Жена, дети, мама и... – он сделал эффектную паузу, – собственный автомобиль!

Золотарёв громко засмеялся, чем вызвал неудовольствие посетителей Клуба, расположившихся за соседним столиком.

– Что, серьёзно? – спросил он.

Кривцов с видом знатока кивнул.

– И ладно бы ещё просто автомобиль, а то целый набор: автомобиль сразу после покупки, автомобиль после пробега в сто тысяч, автомобиль после капитального ремонта. Абсолютная шиза!

– Да, – задумчиво сказал капитан Андронов. – Для кого-то автомобиль – средство передвижения, для кого-то – роскошь, а для амов, значит, член семьи? А мы-то, дураки, с мешанством боремся.

– Ерунда всё это, – напористо встрял Стуколин. – Вы фигню всякую обсуждаете: кто трус, кто не трус, кто какие карточки в бумажнике таскает. А надо в суть смотреть: если боевой задор у них есть, всё остальное приложится.

– Нет у них никакого боевого задора! – немедленно парировал Кривцов. – Ты, небось, об амах только по фильмам и знаешь. А кто у них фильмы снимает? Сами амы и снимают! Как ты думаешь, будут они о себе правду снимать?

– Почему бы и нет? – заметил Стуколин.

– Ага, жди больше. Покажут в фильме, в «Рембо» каком-нибудь, как ихний спецназовец всех одной левой. А на самом деле...

– А что на самом деле?

– Ну ты сам посуди, – майор понизил голос. – У них в фильмах как показывают? Команда накачанных хлопцев: большая часть – белые, один или парочка – негры, девица какая-нибудь сумасшедшая. Совершают подвиги во славу своего звёздно-полосатого, выносят напрочь и русских, и китайцев, и арабов, и вьетнамцев – кр-р-рутые, блин! А на самом деле в армии у них служат латиносы, один другого страшнее. У нас такие сортиры драят, к автомату их подпускать нельзя...

– Зато уж мы все из себя герои, – съязвил Стуколин. – После бутылки водки готовы полмира завоевать, а как до дела дойдёт!..

– А ты кто такой?! – встрепенулся Золотарёв; слова Алексея явно задели его за живое. – Кто ты такой, чтобы так говорить? Отсиживался у себя в Заполярье, пока мы кровь за Родину проливали!

Теперь уже взъярился Стуколин.

– Что ты обо мне знаешь? – привстав, он навис над столом, буравя Золотарёва взглядом и потирая кулак. – Что? Да если бы не я... если бы не мы... в Заполярье... да мы, если хочешь знать... – он запнулся, замолчал и опустил на своё место.

– То-то и оно, – Золотарёв победно огляделся вокруг, – и сказать даже нечего.

– Ладно тебе, – примирительно сказал капитан Андронов. – Не видишь, что ли? Человек подписку дал. Я вот тоже давал. И тоже помалкиваю.

– Подписку они давали, – заворчал Золотарёв. – Знаем мы эти подписки...

– А по большому счёту ты прав, – продолжал Андронов. – А Алексей – нет. Вынесли бы мы натовцев при прямом столкновении. И раньше выносили, и теперь вынесли бы. Невзирая на разруху и бардак.

– Это откуда же следует? – снова встрепенулся Стуколин. – Шапками «Ф-117»³² не закидаешь.

Андронов усмехнулся чему-то своему и ответил так:

– Закидывали уже твой «Ф-117» шапками. И, не поверишь, закидали.

---

³² Имеется в виду американский малозаметный тактический ударный самолёт «F-117A», применявшийся и во время боевых действий в Югославии.

– Ну хорошо, ну пусть, – сдался Стуколин. – Победили бы мы и америкосов, и немцев, и французов. Но только повода подраться с ними нам не дадут.

– Было бы желание, а повод всегда найдётся, – резонно заметил Андронов.

– Да никто к нам не полезет, – легкомысленно отмахнулся Алексей. – Сам подумай. Пока у нас ядерная дубинка имеется, и ПВО работает, ни одна сволочь сюда не сунется. Что они – идиоты?

Стуколин забыл, что всего лишь год назад примерно теми же самыми словами он характеризовал запутанную политическую ситуацию, складывавшуюся вокруг автономного края Косово – тогда Алексей тоже считал, что в НАТО служат не идиоты и что воевать с Сербией всерьёз никто из западных стратегов не решится...

К столику, за которым сидели, беседуя, офицеры, подошёл давешний официант.

– Прошу прощения, – обратился он к Андронову с лёгким акцентом. – Кто из вас будет капитан Стуколин?

Все посмотрели на Алексея. Тот нахмурился:

– Меня спрашивают?

Официант подал ему трубку от радиотелефона. Стуколин поднёс её к уху, послушал, что говорят на том конце линии связи, бросил коротко: «Приду», после чего вернул трубку официанту. И быстро допил оставшееся в кружке пиво.

– Куда вызывают? – спросил Кривцов без особого интереса. – В редакцию?

– А вот и нет, – ответил Стуколин с гордостью. – Обратно. В строй!..

(КПП «Брусничное», Выборгское шоссе, Россия, январь 2000 года)

Таможенник был из нового набора – молодой, голодный, а потому агрессивно настроенный. Он ещё плохо разбирался во всех тонкостях работы на кордоне, но уже завистливо поглядывал на «иномарки», в которых разъезжали его старшие товарищи и коллеги, на костюмы и часы, которые они носили, на пухлые конверты, которые они получали из пухлых рук, а значит, правильно расставил приоритеты и был готов как можно скорее присоединиться к великой армии мздоимцев – во все века самой грозной и непобедимой силе России.

Подойдя к «мерседесу», он критически осмотрел его со всех сторон, постучал носком ботинка по облепленному снегом шипованному протектору.

– Новый? – это было первое, что услышал Алексей от молодого таможенника.

– Почти, – откликнулся Лукашевич со своего места в приоткрытое окно «мерседеса», в которое залетали редкие снежинки, – пробег – две сотни, а для «мерса» это пшик.

Таможенник внимательно посмотрел на Алексея.

– Выйдите из машины, – вдруг сказал он.

– Что? – Лукашевич удивился: обычно на этом участке трассы обходилось без заминок.

– Я сказал, выйдите из машины! – повторил таможенник громче и с угрожающей интонацией госавтоинспектора при исполнении.

Алексей пожал плечами и, открыв дверцу, выбрался из машины. Одет он был не по погоде легко – в парадную форму капитана ВВС с орденскими планками и Звездой Героя на груди. Ступив начищенным до блеска ботинком на обледенелый асфальт, Лукашевич выпрямился и вопросительно посмотрел на таможенника.

– Пройдёте на пост, – приказал тот.

Сзади в пятно света, выхваченного из предрассветного сумрака ярким прожектором, установленным на крыше таможенного поста, шагнул плотный бритоголовый субъект в зимней кожаной куртке, камуфляжных штанах и высоких шнурованных башмаках натовского образца.

– Хай, братан! – обратился он к таможеннику. – Есть проблемы?

Таможенник напрягся, украдкой оглянувшись в сторону барьера, за которым покуривали двое пограничников с автоматами, – всё-таки он был ещё очень молод и не уверен в себе. Наметившийся конфликт пресёк в зародыше сам Лукашевич.

– Спокойно, Вован, – сказал он, даже не обернувшись к бритоголовому. – Проблем не будет.

Вован потоптался на месте, бросил: «Ну смотри, кэп», после чего вернулся к своей машине.

Таможенник вздохнул с облегчением и повёл Лукашевича к домику таможенного поста. Там оказалось на удивление тепло и уютно. Новенькая мебель финского производства, двухкамерный холодильник, телевизор «Филипс» в углу, дубовая недавно покрашенная стойка, парочка компьютеров, один из которых был включён в сеть и отыгрывал на экране бесконечно повторяющееся стриптиз-шоу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.